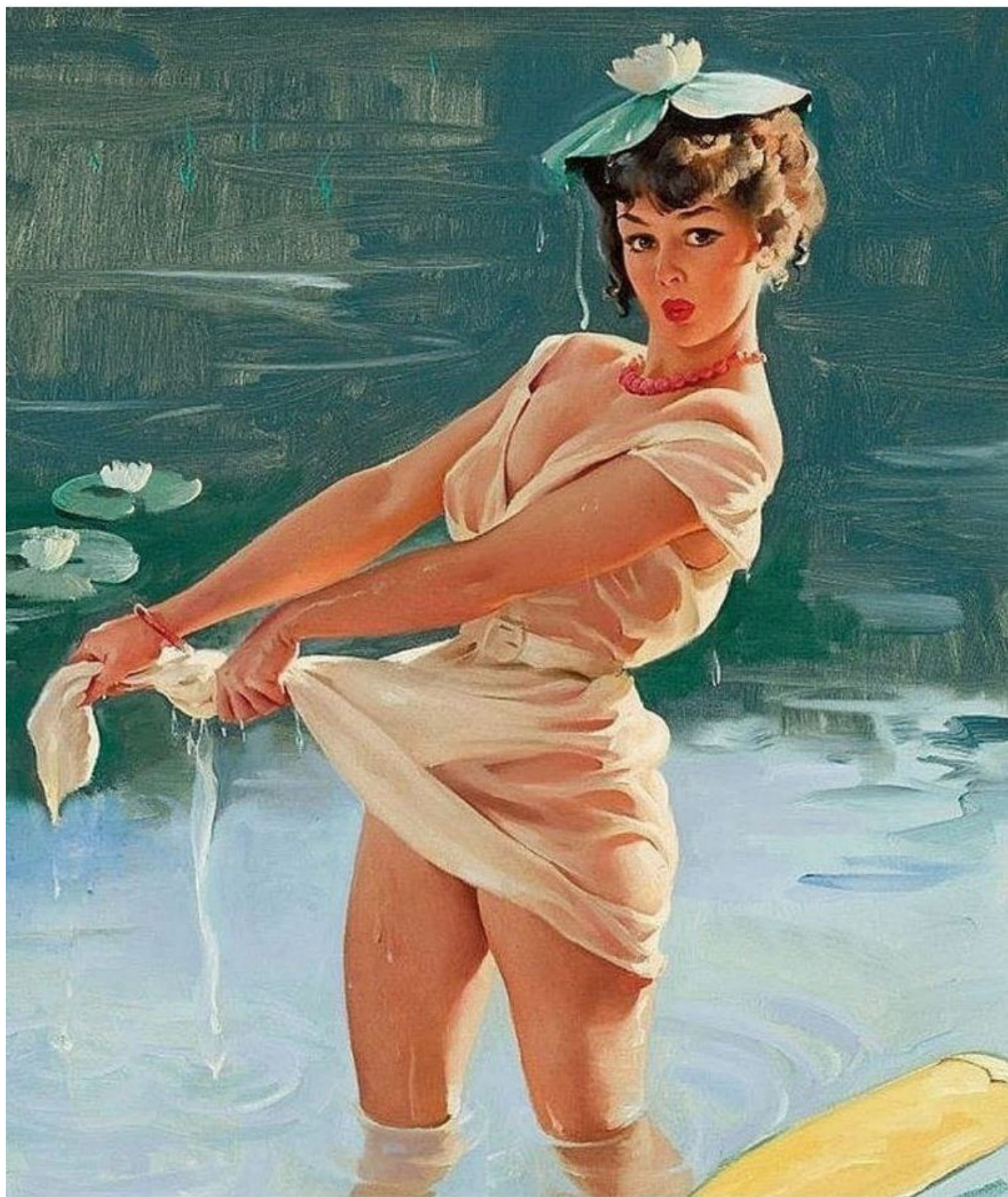

АРТЕМ ШУМИЛИН СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ

РЕВИЗОР:
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР: 8

Ревизор

Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 8

«Автор»

«Автор»

2023

Винтеркей С.

Ревизор: возвращение в СССР 8 / С. Винтеркей — «Автор»,
«Автор», 2023 — (Ревизор)

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжают. Павел Ивлев начинает учиться в МГУ. Его сестра и девушка учатся в Горном институте, но там не все гладко. Сентябрь, картошка, новые и старые друзья. Амбициозный комсорг механического завода Сатчан тоже возвращается в Москву, из которой был в свое время отправлен в провинцию за провинность. Как теперь сложатся их отношения?

© Винтеркей С., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Артем Шумилин, Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 8

Глава 1

Август 1971 г., г. Святославль

– Как это? – ошарашенно спросил Славка, подскочив к Инне. – Она очнулась? Или нет?
– Нет ещё. Но появились движения век, спонтанные движения телом, реакция на раздражители. Появилась позитивная динамика.

– Это хорошо? – всё ещё ошарашенно спрашивал Славка.

– Не то что хорошо, а очень хорошо! Её состояние сдвинулось с мёртвой точки.

– И что дальше? – спросил Славка. – Когда к ней уже можно будет?

– Потерпи ещё чуть-чуть, – с сочувствием сказала Инна. – Не спеши. Дай ей, хотя бы, проснуться. Тем более, неизвестно еще, каково ее состояние. Как очнется, первые дни тесты проводить будут разные, анализы делать. И не пустит тебя никто в реанимацию. Никого не пускают.

– Когда она уже очнётся? – в сердцах крикнул Славка. Он вдруг не выдержал, у него сдали нервы.

– Может, за ночь и очнётся, – успокаивала его Инна. – Приду завтра на работу, первым делом к ней зайду.

– Я с тобой, – безапелляционно заявил он ей.

– У нас экзамен завтра, – неуверенно возразил ему молчавший до этого Мишка.

– Плевать! – отмахнулся от него друг. – Я завтра в больницу.

Инна с Мишкой озабоченно переглянулись.

– Слав, тебя всё равно к ней не пустят, – попыталась вразумить его Инна.

– Пустят, – отрезал он и упрямо сжал губы.

– Ладно, утро вечера мудренее, – не стала спорить Инна, видя, что парень не в себе сейчас. Попытаться убедать его в чем-то бессмысленно.

Она понимала, что сейчас наступает решительный момент, сейчас станет понятно, насколько пострадал мозг девочки. И Славка это понимал. Ему не надо было ничего объяснять. Он столько раз за эти месяцы слышал о неутешительных прогнозах докторов, что сейчас держался на одной юношеской наивной любви и вере в чудо.

Он так и не заснул в эту ночь. Даже не пытался. Ходил по кухне взад-вперёд или сидел прямо за столом в позе Роденовского «Мыслителя» и пялился в одну точку за окном, поставив ноги на табурет.

Инна просыпалась несколько раз. Молодая мать спала чутко и реагировала даже на шорохи из кухни. Ей было очень жаль парня, но помочь ему она ничем не могла. Сама переживала не меньше. Утром Инна несколько раз настойчиво попыталась образумить его, но Славка слышать ничего не хотел и упрямо собирался ехать с ней в больницу. В подавленном настроении Мишка поехал на экзамен один. А Инне ничего не оставалось, как ехать на работу в компании Славки, вцепившегося в неё, как клещ. Она понимала, что он жертвует своим поступлением, и уже ругала себя за то, что сказала ему до экзамена, а не после. И очень жалела, что рядом нет Пашки – тот бы точно что-то придумал, чтобы вразумить Славку.

Оставив Славку в вестибюле, Инна переоделась в своей ординаторской и побежала узнать, как дела у Эммы. Возле той собрался целый консилиум из докторов. Она радостно выдохнула, увидев, что пациентка вышла из комы. Девочка очнулась, смотрела на всех испуганным, немного затравленным взглядом.

Дождавшись, когда все уйдут, Инна подошла к лечащему доктору Эммы и узнала последние новости о её состоянии. Посидела немного возле девочки. Та не узнала её. Но это нормально после комы. Первое время нормально.

Вернувшись к Славке, Инна рассказала ему новости и хотела отправить на экзамен в институт, может, ещё не поздно. Но услышав, что Эмма очнулась, Славка решил во что бы то ни стало попасть к ней. И слушать ничего не хотел про экзамен. Инна побежала к главврачу, объяснила ситуацию. Но тот решил, что не стоит рисковать:

– Пусть пациентка сначала придет в себя. Мы же не знаем точно, что там у них были за отношения. Нам такой фактор риска ни к чему.

Раз сам главврач отказал, то, естественно, его не пустили. Но он выяснил, где она лежит и взял в осаду реанимацию. Сел прямо возле дверей и вскакивал каждый раз, когда двери открывались, пытаясь заглянуть вовнутрь. Он проторчал там до обеда. Когда Инна в свой перерыв прибежала проведать Эмму и наткнулась на Славку, то в очередной раз подумала, что ничего страшного не случилось бы, если бы парень повидался со своей любимой.

– Ну что он там, сидит? – спросила её дежурная медсестра.

– Сидит, – подтвердила Инна. – Он и не уйдёт. Я его знаю.

– Вот иди и скажи ему, что нечего тут сидеть, – резко ответил лечащий врач Эммы, сам пришедший её проверить. – Она не помнит никого.

– А что такого страшного случится, если они увидятся? – возразила ему Инна. – Может, она его увидит, и всё сразу вспомнит!

Доктор промолчал. Медперсонал реанимации уставился на него в ожидании решения.

– Что? – рявкнул он на них. – Не даст это ничего...

– Не попробуем – не узнаем, – упрямо возразила Инна.

Говорить ему, что она уже была у главврача, и тот отказал, она не стала – а вдруг удастся убедить. Если скажет, то точно ничего не выйдет.

– Да пустите паренька, у них любовь, жалко его! – пробурчала пожилая медсестра.

– Ладно, – сдался доктор под множеством женских осуждающих взглядов. – Пусть пройдёт. Всё под моим контролем! Не больше пары минут. И оденьте его...

Обрадованная Инна отвела Славку к себе в ординаторскую, нашла ему халат и колпак, сменную обувь. И сделала звонок маме на работу, сообщила, что Эмма очнулась. Когда Инна привела Славку в реанимацию, он внешне ничем не отличался от лечащего доктора Эммы.

Инна подвела Славку к кровати Эммы. Медперсонал отделения, представленный, в основном, женщинами, потянулся за ними. Лечащий врач встал у изголовья, сложив руки за спиной, как охранник.

Эмма была очень слаба, с трудом могла хоть что-то говорить, не понимала, где она находится, не узнавала никого, была страшно напугана и подавлена. Вдобавок, правая сторона тела плохо слушалась.

Славка кинулся к ней, а она испуганно уставилась на него, не узнала. Он и сам дар речи потерял, молча смотрел на подругу, с ужасом сжимая её руку.

Инна объяснила ей, что Слава её сосед и близкий друг. Эмма выслушала, кивнула головой, что поняла. Славка с мокрыми глазами сидел молча рядом и гладил ей руку. А через две минуты Эмма, глядя на него, опять спросила с трудом, растягивая слова: кто это? Инна опять объяснила, Эмма всё поняла и через минуту забыла опять.

Славка с отчаянием взглянул на Инну. Ну а что она могла сделать? Объяснила ему, что это, возможно, пройдёт при должном лечении, но нужно время. Время и терпение. Память будет восстанавливаться, но постепенно. Как и когда это произойдёт, сейчас не скажет никто. Что-то она может вообще никогда не вспомнить. С ней будут заниматься врачи, назначат лечение, массажи, лечебную физкультуру. Ей надо будет много заниматься с логопедом, развивать мелкую моторику, играть в развивающие игры, чтобы восстановить работу мозга.

Как минимум месяц Эмма пролежит ещё в больнице. Потом её выпишут домой и ей нужна будет помощь с реабилитацией.

Славка слушал, мрачно и решительно кивая головой. Потом взял стул и придвинул его к кровати Эммы, намереваясь остаться здесь. Но Инна остановила его, подталкивая к выходу.

– Это же реанимация, тебе и так здесь быть не положено, – сказала ему она.

– Переведём её в общую палату, тогда и приходи, и сиди сколько захочешь, – сказал доктор. – А сейчас пока, сам видишь, ты ей помочь ничем не можешь.

– Когда переведёте? – тут же спросил Славка.

– Кто же тебе сейчас это скажет? – развёл руками доктор. – Всё, иди. Дисциплины в отделении из-за тебя никакой!

Доктор строго взглянул на медсестёр, застывших рядом и с интересом ловивших каждый звук. Они тут же засуетились и разошлись.

Славку уже начали выгонять из отделения, как вдруг Эмма, следившая, как его оттесняют к двери, чётко произнесла, протянув к нему руку:

– Саава!..

Она вспомнила его и расплакалась. Только его вспомнила, больше никого и ничего.

Пораженный таким прогрессом доктор в итоге разрешил ему остаться, сказав, что для первого дня это очень неплохо.

– Суток ещё не прошло. А у неё уже память начала восстанавливаться, – сказал он перед уходом. – Процесс восстановления памяти может растянуться, а может лавинообразно начаться и она разом вспомнит всё. Её надо подготовить к этому. Рассказывай ей о её жизни, о родных, друзьях, о ваших планах. Что-то забудет, что-то запомнит. И делай ей всё время массаж ладоней, пальцев, особенно кончиков пальцев. Ты удивительно хорошо на нее влияешь!

Инна зашла вечером за Славкой и чуть ли не силой утащила его домой поесть и поспать. На следующее утро Славка приехал с Инной на работу и заступил на дежурство у кровати Эммы до самого вечера. Так потянулись дни за днями. Инна взяла над Славкой шефство, водила на обед в столовую, представляла его коллегам, и вскоре все стали воспринимать его присутствие рядом с Эммой как должное.

Тем временем Мишка успешно сдал экзамены в БИТМ. Все свободное время от экзаменов он проводил на бетонных работах. Прямо выскакивал из аудитории и бежал на ближайший поезд или автобус.

* * *

После работы возвращался с хлебозавода без задних ног с одной мыслью: добраться до койки. Сегодня главный инженер, между собой мы его звали теперь не иначе, как Винни Пух, ходил вдоль свежего бетона и линейкой замерял высоту бетонного слоя. Он оказался очень скользким типом, я как чувствовал, когда в первый раз его увидел, что будут с ним проблемы.

Директор тоже приходил, но он совсем по-другому себя вёл. Спрашивал, всё ли у нас есть для работы, всем ли нас обеспечили? Если бы не он, не видать бы нам шланга, как своих ушей. Таскали бы сейчас воду ведрами. А так набрали бочку воды и не паримся.

Весь в своих мыслях вошёл в дом и застал у нас целое собрание.

– Что тут такое?! – резко спросил я от неожиданности. – Что случилось?

Я оглядывал присутствующих, и по лицам бабушки, Никифоровны, мамы и Клары Васильевны не мог определить, произошло что-то хорошее или наоборот.

– Паша, Эмма очнулась! – сквозь слёзы проговорила Клара Васильевна.

– О, как! А плачете чего?

– Инна звонила, – пояснила мама. – она не узнает никого и ничего не помнит.

– Но она говорит? – уточнил я.

– Вроде, да.

– Всё нормально, – постарался успокоить я женщин. – То, что она чего-то забыла, это не страшно. Главное, что она не овощ! Что-то вспомнит, с чем-то и кем-то заново познакомится. Это всё уже не важно. Главное, она в сознании. Руки-ноги двигаются?

– Инна не сказала. . . – растерянно ответила мама. – Но она завтра ещё обещала позвонить.

– Интересно, как там Славка? – озабоченно спросил я. – Как бы он поступление не сорвал с такими новостями. . .

Зная друга, предположил, что он будет пробиваться к Эмке любыми путями.

Даже аппетит пропал. Бабушка вопросительно посмотрела на меня и подвинула ко мне ближе миску с молочной вермишелью. Заставил себя поужинать.

В хате повисло напряжённое молчание, но расходиться никто не спешил. Даже мама не уходила. Ахмад там, что ли, сейчас один Аришку нянчит?

– Ну, что у вас тут за траур? – недоумённо спросил я. – Всё же хорошо! Эмма очнулась! Разговаривает. . . Это же великолепно! Инна говорила мне, что с каждым днем шансы, что она очнётся, снижаются. Чувствуете разницу с тем, что могло быть? Вот! А со всем остальным можно справиться и можно жить.

Клара Васильевна улыбнулась, шмыгнув носом. Слишком долгое напряжение и состояние неопределённости не отпускало. И информации было слишком мало.

– Надо дождаться завтрашнего звонка Инны, – сказал я. – Мам, расспроси её подробнее о состоянии Эммы. А то, скажи, мы тут не понимаем, радоваться нам или плакать. И спроси, можно ли её навещать? И про Славку спроси, пожалуйста, как он там экзамены сдаёт? Ладно?

Мама кивнула, засобиравлась. Вскоре и Клара Васильевна ушла.

Бабушка с Никифоровной остались сидеть за столом и, чтобы чем-то себя занять, взялись перебирать гречку.

Вернулся из Брянска после устной математики Мишка и сразу прибежал ко мне доложить, что Славка всё завалил. Он сам был очень взволнован и расстроен, чувствовал свою вину в том, что не уговорил друга поступать. Не знал, чем помочь и от этого ещё больше расстраивался.

Все стойко держались все месяцы, пока Эмма была в коме, поддерживали Славку, надеялись на лучшее. А как Эмма очнулась, у всех начали сдавать нервы. И у него в первую очередь. Эх, блин, и как он планирует за Эммой ухаживать, если поступление сорвал, и теперь в армию пойдет, едва признают, что годен?

– Самое страшное позади, – все же попытался успокоить я друга. – Эмма очнулась. . .

– Да? – воскликнул Мишка.

Он, оказывается, не знал. Сразу после института домой в Святославль вернулся.

– Да. Инна звонила. Правда, Эмма не узнаёт никого и не помнит ничего.

Мишке сразу полегчало, и он, попросившись со мной, пошёл домой.

А я поднялся на второй этаж и еле дополз до своей кровати. Это бетонирование меня измотало. А ещё заливать и заливать. . . Сам не заметил, как провалился в глубокий сон.

Снились счастливые Славка и Эмма. Проснулся в прекрасном настроении. Всё будет хорошо.

Объявил всем на заводе новость про Эмму. В отличие от взрослых, молодежь смотрела на всё гораздо оптимистичнее и встретила моё объявление радостными криками «ура!». Естественно, кричали те, кто был в теме, но остальным быстро все объяснили.

Настроение сразу у всех поднялось, даже у тех, кто лично не знал Эмму. Трудно не радоваться самому, если рядом рады те, с кем сдружился за недели тяжелой работы. И дальнейшие жизненные перспективы для нас сразу окрасились в радужный цвет. Мы искренне радовались за Славку и надеялись, что чёрная полоса в его жизни закончилась. Конечно, всё ещё слишком неопределённо и неясно, но главное – Эмма жива и в сознании. Остальное не важно.

Рабочий день прошёл на одном дыхании. Все признали, что как будто стало легче работать. Точно, настроение хорошее помогло!

Вечером спешил домой в нетерпении, что Инна маме нового рассказала сегодня про Эмму. Узнал, что по ней прогноз положительный. А Славка, как и опасался, поступление завалил. Вот же, балбес. Хреново у него с долгосрочным планированием... Хоть бы сам это понимал и друзьям доверял, но упертый же, как баран. Может, ему и в самом деле неплохо в армию прогуляться, там таким помогают иначе на мир взглянуть.

У Эммы куча нарушений: и памяти, и двигательные, и речевые. Но есть прогресс даже за одни первые сутки. Все надеются, что у неё есть неплохие перспективы. Наверняка сейчас никто из врачей ничего не станет обещать, но доктора хорошие, лечение назначено. Теперь всё зависит от Эммы, от её желания выздороветь. Ей придётся очень много работать, учиться, тренироваться, чтобы восстановиться. Ну, тут я не беспокоюсь: сама не захочет заниматься, Славка заставит.

Просил маму спросить про деньги – Инна сказала, что ничего не надо. Но я все равно решил, что дам ей сотню на Славку. Она за ним фактически теперь ухаживает заодно. Ну хоть стимул готовить научиться хороший. Не будешь же кормить парня, который на твоих глазах самоотверженно сражается за здоровье любимой всякой подгоревшей фигней.

Ещё Инна попросила посмотреть у нас в магазинах детскую мозаику, элементы которой надо втыкать в маленькие отверстия. Сама она зашла в один магазин по дороге домой, но там не было. Если получится купить, то Инна на выходных увезёт её. Для Эммы детские развивашки сейчас самое то, мелкую моторику восстанавливать.

Ну, уже кое-что. Мозаику мы найдём, из-под земли достанем. В воскресенье Инна, полюбому, с ней уедет.

Когда есть чёткая цель, жить гораздо легче. Несмотря на позднее время решил зайти к Галие, попросить её заняться этим вопросом. Заодно повидаться, а то редко встречаемся из-за нашей пахоты. Заканчиваем позже, чем она с работы уходит, так что и проводить ее до дома даже не могу. Несколько раз всего она сама к заводу подходила и провожала меня до дому под завидки всего нашего коллектива. Марат с нами в этих случаях шел, а потом сам домой ее провожал.

Дверь открыл Загит и сразу потащил меня на кухню, где он до этого чаёвничал в одиночестве. К нам присоединились Галия и Оксана. Они от Марата уже узнали, что Эмма очнулась и с интересом ждали продолжения. Доложил им всё во всех подробностях, что сам знал. И выложил свою просьбу про детскую мозаику.

– Нам не обязательно новую, подойдёт и чья-нибудь, – объяснял я. – Может, у кого-то дети уже выросли, не играют.

– Кажется у Анжелкиного Саньки была... – припомнила Галия. – Надо спросить.

– А Марат-то где? – спохватился я.

– Так сегодня же четверг. У него тренировка на заводе у вас, – ответил Загит.

– О, мама родная! – воскликнул я. – Это он после хлебозавода ещё на тренировку пошёл?

– Конечно. Вторник, четверг, два раза в неделю, – как о само собой разумеющимся ответил Загит.

Похоже, Марат не делится дома, как мы там упыхиваемся. Ну он даёт вообще! После такого трудодня ещё тренировку проводить! Монстр, однако!

Посидел ещё немного в гостях. Оксана удивила миролюбивым настроением. Но расслабляться с ней нельзя. Это она такая ласковая потому, что дочь из Москвы вернулась. А что будет, когда приблизится время уезжать учиться в столицу?

Глава 2

Август 1971 г. Святославль.

Потянулись однообразные дни. Дом – хлебозавод – дом. Несколько раз ездил на лекции от общества «Знания». Они представлялись уже какой-то халявой и отдыхом в сравнении с бетонированием. Уезжая на несколько часов со стройки на хлебозаводе успевал и вздремнуть по дороге, и план лекции продумать.

Съездил опять и в тот колхоз, где рассказывал про рациональное отношение к результатам собственного труда. Пал Григорыч и Иван Алексеич встретили меня как старого друга и сразу, понизив голоса, рассказали, что приглашали к себе корреспондента из Брянской газеты, жаловались на ситуацию. Решили, что и так нагоняй получают за несохранённое зерно, и так за «вынос сора из избы». Но сработало, как я и говорил. После выхода статьи им тут же выделили средства на строительство нового зернохранилища, уже бригаду нашли, кто строить будет.

– Если честно, – делился со мной председатель колхоза, – до сих пор жду, когда меня на ковёр вызовут, спросят за такую самодеятельность.

– Теперь уже не важно, вызовут-не вызовут. – возражал ему зам. – Главное – у нас новый элеватор будет. А с ним и результаты будут ого-го!

– И это правильно. – поддержал я Пал Григорыча.

Лекция была на тему «Советская пятилетка как основа успехов в экономике». Я ее очень одобрил, как узнал – кучу времени сэкономил, даже в библиотеку идти не надо, чтобы колхозникам все разъяснить. Что я, не знаю, что такое плановая экономика, и какие выгоды бывают при плановом ведении хозяйства? Да те же южные корейцы тоже с пятилетками такого прогресса добились, что уж говорить о красном Китае после начала реформ в конце семидесятых. Но, естественно, говорить что-то хорошее и про социалистический Китай сейчас нельзя было, равно как и про капиталистическую Южную Корею. С первым мы после смерти Сталина так капитально поссорились, что в этом же 1971 году китайцы что-то вроде союза с американцами против СССР замутят. А о вторых иначе чем, как о «наймитах империализма», провоцирующих войну в Азии, сейчас и вовсе не принято говорить. Значит, исходя из темы лекции, лучше вообще про них помалкивать. Тем более те же корейцы пятилетку сперли у социализма как раз в те же семидесятые, когда увидели, что КНДР их опережает. Это значит, что скорее всего, сейчас еще пятилеток у них нет.

– Толковый ты лектор. – похвалил меня Иван Алексеич, когда после клуба прошли к нему в кабинет. – Простыми словами сложные вопросы разъясняешь. Только тебя будем просить.

– Увы. Последний раз сегодня выступал. Уезжаю от вас. – развёл руками я.

– Почему? – не скрывая своего разочарования, спросил председатель.

– Учиться еду в Москву. В МГУ поступил.

– То дело! – поддержал меня Пал Григорыч – Молодец!

Мне опять насовали с собой продуктов, самогонки.

– А это тебе на память о нашем колхозе. – торжественно вручил мне председатель разделочную доску, оформленную с одной стороны выжигалкой, раскрашенную красками и полаченную.

На доске очень детально изображён был трактор, а сверху стилизованные буквы «50 лет Октября».

– Это в колхозной школе у нас такие художники учатся, – с гордостью пояснил председатель.

– Тонкая работа, – похвалил я. – Спасибо!

Выступал ещё на собрании работников коммунального хозяйства нашего города. Рассказывал о плюсах монополии государства на оказание услуг населению. Страшал народ тем, как в капиталистических странах искусственно завышают цену на коммунальные услуги для граждан. Дерут двойные и тройные цены, а то и хуже, не стесняясь. Рассказывал с чувством, поскольку были у меня друзья в двадцать первом веке из Прибалтики. Вот всю их боль, когда холодная вода стоит раз в десять дороже, чем в России, в своем выступлении и передал, как опыт жизни несчастных граждан в капстранах. Определенно получилось, какие-то сердобольные женщины даже всхлипывать начали, жалея несчастных, страдающих где-то под гнетом капитализма. Унес десятку с чувством выполненного долга. В девяностых они меня все вспомнят.

Ещё был с лекцией в нашем педучилище. Пытался донести задачи текущей пятилетки до педсостава. Он как бы был совсем не против, так что общение прошло органично. Тем более директор сидел весь напряженный, и так зыркал на каждого, кто раскрывал рот, что они даже зевать боялись, не то что вопросы мне задавать. Похоже, на одной из предыдущих лекций что-то у них там случилось, раз он такой дерганый. Даже любопытно стало, кто же там так оконфузился. Но ведь не спросишь... Работал по шефской помощи, ушел ни с чем.

Несколько раз Галия приходила после работы. Говорила, что Сатчан, несколько последних дней ходит весёлый, можно сказать, счастливый. И начал ящики своего рабочего стола разбирать и шкаф с бумагами, просматривает бумаги, что-то откладывает, что-то рвёт на мелкие куски, по две урны в день набирается изорванной в клочья бумаги.

Неужели, у него ссылка заканчивается?!

– Ты знаешь, – заговорщицким шёпотом рассказывала мне Галия. – Я его спросила, зачем он ненужные бумаги рвёт, да ещё так мелко? Можно же просто смять и выбросить. А он мне говорит: чтобы труднее было восстановить, что на них было. Меня жизнь этому научила. Вот!.. Представляешь? Что, кто-то будет в урне с мусором копать?

– Ха!.. Ещё как будет, если на кону тёплое местечко! – усмехнулся я. – И надо конкурента убрать.

Ну, Сатчан, пройдоха... Неужто это и есть его печальный опыт вылета с теплого места из столицы в провинцию? Это что же надо было такое в урну выбросить, чтобы из Москвы в Святославль вылететь... Карикатуру на первого секретаря нарисовал, что ли, пока на совещании каком-нибудь сидел? А добрые люди достали и куда надо отнесли?

По Галие ситуация у нас неожиданно изменилась. Мой отец позвонил прямо ей домой и сказал, что в связи с недобором на первом курсе, может прямо на него ее и взять, а не на второй. Учиться дольше, но и плюсы тоже есть. Деканат будет благодарен, что ему меньше влетит за недобор, закончит она учиться в один год со мной, стипендию будет дольше получать. А раз вместе закончим учиться, то нет риска, что ее распределят куда-то в Якутию. Можно бегать между комиссиями МГУ и Горного института с документами о браке и договариваться о распределении в один город.

Я, конечно, подозревал, что батяня оценил здравомыслие Галии и капризность Дианы, и таким образом пытается обеспечить ей лучший присмотр в последний год учебы. Но Галия так загорелась этой идеей, так захотела с самого начала учиться в Горном институте по-настоящему, что я махнул рукой и согласился с предложением отца. Да и в таких делах надо быть поосторожнее – мое противодействие впоследствии могло быть ею расценено, как желание побыстрее отправить ее зарабатывать. Мол, сам буду еще комфортно учиться, а ее на завод пошлю вкалывать. Не сейчас, когда у нас конфетно-букетный период, а попозже, когда неизбежно будут и непростые моменты в отношениях.

Пришлось также у своих пацанов с бетонирования отпроситься на день, и чтобы еще одну проблему решить. Поехал с Инной в Брянск в воскресенье. Славка застрял в больнице

с Эммой, а отпуск ему на заводе дали только на поступление. В понедельник уже надо выходить на работу, а он, со слов Инны, и не думает возвращаться.

Только мы приехали с сестрой в Брянский дом Клары Васильевны, как и Славка как раз вернулся из больницы.

– Привет, – буркнул он, нисколько не удивившись, увидев меня.

Знает, что сейчас мозги ему вставлять буду. Сразу в оборону превентивно встал.

– Привет, друг, – спокойно поздоровался я. – Как у Эммы дела?

– Так себе... Инна разве не рассказывала? – с подозрением уставился он на меня.

– Рассказывала, что ей рекомендовали расхаживаться, зарядку делать. – ответил я. –

Вслух читать, упражнения для пальцев делать...

Славка кивнул.

– Она же уже почти всё вспомнила?

Друг опять кивнул.

– Слав, – подошёл я к нему ближе. – Инна за ней присмотрит. Тебе надо возвращаться.

– Нет! – Славка замотал головой. – Я не могу. Я ей здесь нужен.

– Ей нужен мужчина, сильное плечо, кормилец, – чеканя слова перечислял я. – Защитник. А не сиделка. Почувствуй разницу.

Славка сел за стол и смотрел на меня затравленно.

– Тебе помогли устроиться. У тебя прекрасная работа. – продолжал я. – На твоё место желающих, между прочим, очередь. Тебе отпуск дали только на поступление. А ты что делаешь? Учёбу профукал! Теперь работу хочешь профукать? Как ты собираешься Эмме и её семье помогать? На какие шиши?! Или ты взрослый мужчина, просчитывающий свои поступки на перспективу, или ты пацан, живущий одним днём. Решай!

Всё он сам прекрасно понимает. Иначе не встречал бы меня сегодня так настороженно. Ему надо помочь верное решение принять.

– Завтра возвращаемся в Святославль первым же автобусом, – решительно сказал я. – Ещё на работу успеем. И падай в ножки Ирине Викторовне, проси простить тебе опоздание из отпуска. Ты же должен был вернуться на завод сразу после того, как экзамены перестал сдавать. Тебе отпуск только на них и давали. Значит, после того, как на второй экзамен не пошел, ты уже формально прогульщик. За такое и по статье трудового кодекса могут уволить. А с такой записью в трудовой книжке потом никуда не устроишься. Думаю, она пойдет навстречу, учитывая ситуацию. Но дольше тянуть нельзя точно.

– А как же Эмма? Она же будет ждать меня завтра, – возразил Славка.

– Я объясню ей, что тебе по работе пришлось уехать, – включилась в разговор Инна. – Не волнуйся, Слав, всё будет хорошо. В следующие выходные приедешь. А через выходные, глядишь, её уже и выпишут. Будешь за ней ухаживать в Святославле.

Сестра начала выкладывать на стол привезенные от мамы пирожки и подсунула один Славке. Тот на автомате принялся жевать.

Всю ночь проворочавшись, друг послушно вернулся на следующий день со мной в Святославль и вышел на работу в бухгалтерию. Вот неужели нельзя было сразу так?! Обязательно надо было дожидаться от меня волшебного пенделя? Эх, горе-горькое!

В один из вечеров забежала Диана, она вернулась из Москвы, «сдав» все экзамены в Горном. Ещё две недели до сентября решила побыть с мамой. Пришло письмо от Веты, она поступила в пединститут. Тимур успешно прошёл все испытания и ждёт зачисления на первый курс военного училища.

К середине августа наша бригада закончила заливать полы на складе хлебозавода. Специально старались закончить к пятнице, чтобы не ждать до понедельника денег.

Мы как раз только закончили, мыли оборудование и инструменты, когда подошёл «Вини Пух» с деловым видом.

– Так-так. Молодцы! Молодцы! – не скрывая радости, повторял он. Я его прекрасно понимал, старались мы на совесть, сроки выдержали, цемент не воровали, запой не устраивали.

– Принимайте работу, – подошёл я к нему, намекая, что неплохо бы рассчитаться.

Главный инженер меня прекрасно понял. Но дальше началось что-то из совсем другой оперы.

– Так. По пятьсот рублей... Вас восемь... Четыре тысячи.

– Подождите, – нервно рассмеялся я от такой наглости. – Уговор был на пять.

– Но вас же не десять человек работало! – возразил этот клоун. Мои парни побросали дела и стали медленно подходить к нам, прислушиваясь к нашему разговору. Марат уже демонстративно и рукава начал закатывать, моментально сообразив, к чему дело идет.

– Оплата рассчитана, исходя из объёма работ, а не количества людей, – возразил я Вини Пуху.

– Ну, не знаю, не знаю... – не хотел он признавать мою правоту. – Директор думает...

Ага. Решил директором прикрыться, думает, что мы побоимся идти с начальством разбираться. Ладно.

– Ну пойдёмте спросим, что думает по этому поводу директор, – спокойно ответил я. – Пока он домой не ушёл.

И, не дожидаясь ответа, направился к лестнице на второй этаж. Жорину ничего не оставалось, как пойти за мной.

Директор, разумеется, вообще не понял логики своего главного инженера. Он-то был в курсе, что это по линии Сатчана, а тот сумел себя в нашем городе поставить о-го-го как, пользуясь своими уцелевшими связями в столице! Жорин и сам был не рад, что я привел его к Добрянскому. Что-то сумбурное мямлил в своё оправдание. Не готов был аргументировано отстаивать свою позицию, похоже, вообще не ожидал такого поворота. Что я, зеленый пацан, осмелюсь к директору вот так спокойно его повести на разборки. Тем хуже для него.

– Аркадьич! Не морочь никому голову! Придумал тоже, – рявкнул на него, в конце концов, директор. – Расплатись с парнями, как договорились! Они эти деньги честно заработали.

– Спасибо! – улыбнулся я ему и демонстративно остался в кабинете директора, ожидая, пока главный инженер со мной расплатится.

Он начал мямлить, что деньги у него в кабинете.

– Ничего. Я подожду, – ответил я, глядя ему прямо в глаза.

Ему ничего не оставалось, как принести деньги и отслюнявить мне пять тысяч полтинниками и четвертаками.

Пересчитал тут же за ним деньги, взял в левую руку. А правую подал директору, тот со словами благодарности пожал её. Повернулся к Вини Пуху и протянул руку ему тоже.

– Очень приятно было с вами работать, – демонстративно улыбаясь, сказал я. Того аж перекорёжило всего. Понял я все прекрасно, что он задумал. Небось хотел потом оформить по новой на кого-нибудь подставного работу за пять тысяч, и без ведома директора тысчонку зажать! Не дали...

Вернулся к встревоженным парням и раздал им по шестьсот двадцать пять рублей.

Парни по несколько раз пересчитывали деньги, как будто не могли поверить, что у них столько бабла в руках. Наконец, они вышли с хлебозавода и, поглядев друг на друга, единогласно решили, что это дело надо обмыть.

Посидели душевно. Ребята поголовно не удержались и неумеренно врезали по водке. Настрадались, похоже, так, что нужно было чем-то вытолкнуть негативные эмоции. Я пил, по привычке, мало, чисто для компании. У меня стресса никакого не было, я был доволен результатом. Работал много и тяжело. Ел тоже много, в особенности мяса, чему поспособствовал и подгон из колхоза. Мышцы накачал так, что старые рубашки по швам трещали, а что уж говорить про выносливость! И деньги очень неплохие и совсем не лишние.

Ну а дальше подошло и время переезда. Машину Ахмад на заводе у Шанцева выпросил на три дня, чтобы нам жили не рвать и не разгружаться сразу после дороги. Мы связывали в стопки книги, закручивали ковры. Снимали шторы. Всё перед упаковкой перестирывалось, ковры лично мне приходилось выбивать. По всем друзьям собирал газеты, чтобы посуду и хрусталь упаковать.

Собирались долго и основательно, затянули со сборами. В каждой сетке, сверху лежала бумажка с описью содержимого на скорую руку. Это бабушка и Никифоровна делали в обязательном порядке, наученные многочисленными переездами. Коробки и ящики так же были подписаны. В узел каждого тюка воткнута бумажка с содержимым.

Мне хотелось поскорее переехать, до начала учёбы, а то там совсем будет не до этого.

Когда мы, наконец, определились с днём выезда, было уже двадцатое число. Выезд согласовали с машиной на субботу двадцать первое, чтобы Ахмаду только на один день с работы отпрашиваться.

План был такой: туда я еду в кабине грузовика, Ахмад на своей «копейке» везёт бабушек. Разгружаемся, собираем и расставляем мебель одним днём. И вдвоём возвращаемся назад в Святославль на его машине. А грузовик уже по своему графику.

А бабушки уже не спеша всё распаковывают и раскладывают.

Первую часть плана мы осуществили без сучка – без задоринки.

Мы приехали. Дальше всё пошло не так.

Мы с заводским водилой нашли общий язык и непринуждённо болтали всю дорогу. Следовали за Ахмадом, не особо вникая в маршрут. Дорога показалась лёгкой. Приехали к вечеру, остановились за «копейкой» возле очень приличного по советским меркам кирпичного дома.

Выйдя из кабины, я потянулся и в прекрасном настроении подошёл к с трудом выполнявшим из машины бабушкам. Ахмад тоже потягивался, все засиделись.

– А кто нам участок перепахал? – удивлённо спросила Никифоровна.

Из дома к нам спешил мужичок лет шестидесяти.

– Вот незадача! – воскликнул он вместо приветствия, подходя к нам. – А мы уж и не знали, приедете вы или нет...

– Вы что, передумали дом продавать? – напрягся я.

– Да нет... – как будто оправдываясь, начал мужичок. – Ещё покупатели появились...

– Как это! Мы же задаток дали! – начала наступать на него Никифоровна.

– Мы вернём! – заверил хозяин дома.

– Не надо нам ничего возвращать, – подошёл я к нему. – Продайте нам дом, как и договаривались.

– Да я что, мне всё равно, кому продавать. Вы вот с ними договаривайтесь, – кивнул он в сторону соседнего дома.

Там на крыльце появился мужчина. Он озабоченно поглядывал в нашу сторону, торопливо обуваясь. За ним вышла женщина и вперёд него поспешила к нам. За ней выскочила молодая пара и тоже припустила со всех ног к нам.

Они чуть не бегом подбежали всей компанией.

– Это наш дом! – закричала молодая на бегу.

Она была беременна. Чего бегают-то? Дурочка.

– Ещё чего! – вышла вперёд Никифоровна. – Это наш дом!

– Тихо, тихо! – встал я между ними. – Мы первые этот дом застолбили, с хозяевами по рукам ударили и задаток оставили.

– Вы кто такие?! – начала голосить молодая. – Мы колхозники! Нам положено!..

– Мы уже участок вспахали, – поддакнул ей муж.

– Мы вам компенсируем это, – спокойно ответил я.

– Иваныч! – обратилась к хозяину дома старшая из женщин. – Ты кому дом продал?

– Никому ещё не продал, – огрызнулся Иваныч.
– Ты же обещал! – возразила ему старшая соседка.
– Ничего я не обещал! У вас и денег нет столько!
– Мы тебе пять тысяч даём! – взвизгнула молодая.
– Дом семь стоит, – отрезал Иваныч.
– Можно подумать, они тебе столько заплатят! – кивнула в нашу сторону старшая.
– Заплатим, – подтвердил я.
– Всё. Пошли, – надоело ждать Ахмаду. Он развернул бабушек и повёл их к дому. –
Все с дороги, все устали, разгружаться завтра будем.
– Я к председателю завтра пойду! – пригрозила нам молодая.
– Иди, иди, – процедила Никифоровна.
Хозяин дома, оказывается, вещи ещё не вывез. Сидел на чемоданах. И боялся дом оставить без присмотра.
– Не завидую я вам, – проговорил он, ставя греться чайник. – Эти Михайловы...
Не повезло вам с соседями. Что мать скандальная, что дочь.
– Поскандалят, да успокоятся, – ответил я.
– Не знаю, не знаю, – пробормотал Иваныч. – Шуру-то, мать, жизнь ещё немного научила думать, прежде чем говорить. А вот Ксения у неё, дура-дурой и язык без костей.
– Да нам-то что? – спросил я.
– Муж у Ксении механизатор, колхоз им дом построил в центральной усадьбе, когда свадьбу сыграли. Они его продали и хотели к маме поближе перебраться. На мой дом целились. А зачем они мне нужны со своими пятью тысячами?
– Логично... – начал я понимать суть претензий соседей. Обломали мы их знатно. –
Надо оформить всё поскорее.
– Завтра в правлении никого не будет, воскресенье, – ответил Иваныч. – А в понедельник пойдём.
– Не запалят они вас со злости? – спросил наш водитель.
– Да нет, – подумав, ответил Иваныч. – Шальные они, конечно, но не до такой степени.
А как у тебя со временем, мил человек? Не сможешь и мне перебраться?
– А чего же добрым людям не помочь? – подмигнул нам, быстро сориентировавшись, водила. Дополнительно подхалтурить – святое дело.
Весь следующий день мы грузили, таскали, тягали. Но вчетвером дело быстро спорилось. Мы даже загрузили вещи Иваныча и они, вместе с водилой, в этот же день перевезли их куда-то недалеко.
В понедельник с утра Иваныч был уже у нас, готовый проводить бабушек в правление для переоформления дома. А мы с Ахмадом рванули на его «копейке» обратно в Святославль.

* * *

Павел Сатчан получил, наконец, добро на перевод в Москву. Ему осталось досидеть на Святославском механическом заводе считанные недели. Да здравствует столица! Как долго он этого ждал. Два года!

Положа руку на сердце, он не мог сказать ничего плохого ни о самом этом городишке, ни о заводе, ни о людях. Наоборот, он считал, что некоторые, например, Галия, заслуживают большего. Он даже подумывал, не забрать ли её с собой в Москву. Толкового помощника днём с огнём не сыщешь. А они уже сработались, она его с полуслова понимала...

Думал, как она обрадуется такой возможности, будет бесконечно благодарна и станет преданной ему по гроб жизни.

А тут на тебе. Она уволилась одним днём. Счастливо улыбаясь, сообщила, что уезжает в Москву! Паша устроил её учиться в институт под крылышко к своему отцу.

Вот жук! Обскакал на повороте!

Комсорг улыбнулся и восхищённо покачал головой. Далеко пойдёт парень.

Глава 3

* * *

Московская область, деревня Коростово.

– Ну что, Эль, они ушли? – спросила Никифоровна подругу, подсматривающую за соседями в окно.

– Ходят ещё, что-то меряют...

– Что эти поганцы затеяли!? – стукнула по столу кулаком Никифоровна. – Нет. Я пойду узнаю!

– Ань, да ладно тебе! Ну ходят и ходят... Может, меряют пашню, прикидывают, сколько нам за неё предъявить.

– Это наша земля! – возразила Никифоровна. – Нечего по ней ходить. К тому же, кто знает, что у них в головах там. Еще скажут потом, что ходили, решали, а мы не вышли, значит согласны с их решениями.

– Хм! Вообще-то, ты права. Пойдём-ка спросим...

Пожилые женщины вышли из дома и пошли к Михайловым, вчетвером по-хозяйски разгуливающим по их вспаханному участку.

– Ну и что вам тут надо? – спросила их Никифоровна.

– А того и надо, – уперев руки в бока, заявила молодая Ксения. – Мы строиться будем.

– На нашей земле? – усмехнувшись подобной наглости, спросила Эльвира.

– Это не ваша земля, – возразила старшая Шура. – Вы не колхозники, вам всего шесть соток положено. А тут сорок.

– Во-первых, не шесть, а двенадцать. Дом на двух хозяев, – спокойно ответила Эльвира. – А во-вторых, я уже устроилась счетоводом в колхоз, а Анна Никифоровна в клуб устраивается сторожем. Так что, мы теперь тоже колхозники. Нам, вообще-то, ещё сорок соток положено. Идите отсюда подобру-поздорову. А то сейчас милицию вызовем.

Обе Михайловы переглянулись встревоженно.

– Между нами ещё дом был, – вспомнила старшая Михайлова. – Вон, в той крапиве ещё фундамент из валунов остался. Вот, мы этот участок и заберем себе.

– Мам, ну тут же мало земли без ихнего участка, – возразила Ксения.

– Ничего, с другой стороны прирежем: сзади и вдоль дороги, – ответила ей мать и пошла в сторону своего дома.

Ксения поджала губы и крайне недовольная пошла за матерью.

Мужчины, никак не участвовавшие в инциденте, молча поплелись за своими женщинами.

– Забор надо делать хороший, – констатировала Эльвира. – И побыстрее. Чтобы они к нам не могли, как к себе домой, заходить в любое время.

– Согласна, – кивнула Никифоровна подруге. – Вот только когда? Материала нет. Да и у Павла учеба вот-вот начнется. Не до нас ему сейчас будет. Стыдно отвлекать.

– Сами справимся. Найдем работников. – решительно ответила Эльвира. – Я поспрашиваю в управлении, и ты тоже в клубе спроси. Колхоз большой. Наверняка найдем и где штакетник купить, и столбы, и кого попросить подсобить сделать.

Никифоровна задумчиво провела рукой по подбородку, глядя вслед подходящим к своему дому Михайловым.

– Старый-то никак уже поддатый? – усмехнувшись, заметила Никифоровна.

– Да и молодой, похоже, тоже. Время обед только, а они уже хорошие. Как работать дальше будут?

– Ну что, девки! Отбились? – услышали они сзади весёлый старческий голос.

Обернувшись, они увидели щупленького дедка, опиравшегося на обыкновенную корягу из леса. Смеющиеся глаза над пышными седыми усами. Он как будто специально провёл по ним, чтобы привлечь к ним внимание.

– Ой, какие тут парни! – смеясь, тут же ответила Никифоровна. – Откель же такие будете?

– Да я напротив вас живу. Трофим, – представился дедок.

– Аня, а это Эля. – представилась Никифоровна. – Как у вас здесь беспокойно!..

Никифоровна кивнула в сторону дома Михайловых.

– Что есть, то есть, – согласился дед. – Вы не думайте, что они отступились. Это только начало.

– Да мы уже и сами поняли, – проворчала Эльвира.

Женщины пошли в дом. Дед Трофим за ними.

– А вы что ж, одни? – спросил он.

– У меня дочь в Брянской области замужем, – как есть начала рассказывать Эльвира. – Есть внучка, жена военного. Есть внук, в Москву учиться поступил. В МГУ. Правнучке год всего.

– А я одна, – ответила Никифоровна. – У меня сестра и племянница с мужем и детьми тут недалеко живут в Светлогорье.

– Если подсобить что надо будет, зовите, я с радостью, – заверил их дед.

– Давай Трофим, за знакомство с нами пообедай, – предложила Эльвира.

– О! То дело, бабоньки! – обрадовался дед.

С соседями надо в ладу жить. Всем миром с любой проблемой справиться можно.

– Иваныч дом когда строил, думал сын приедет к ним с женой жить, – рассказывал дед, прохаживаясь по дому и осматриваясь. – А вишь, как вышло...

– Как? – спросила Эльвира. – Он не рассказывал.

– Сын на северах остался, женился там, осел. Жена померла два года уже как. Иваныча дочь к себе забрала. А дом хороший. Иваныч для себя строил. Тут подпол в полный рост! Участок только запустил, так вам Михайловы его уже перепахали.

– В подпол-то мы ещё не лазили, – рассмеялась Никифоровна. – Садись за стол, Трофим, хватит там бродить.

Старики пропустили по стопочке за знакомство и очень душевно посидели. Дед обещал помочь с обрезкой яблонь осенью. А то заросли совсем, прочистить надо.

– Не знаю, зачем он столько их насажал, да так близко, – критиковал Иваныча Трофим. – Между ними расстояние должно быть, чтобы кроны не смыкались. А тут заросли...

– Может, их рассадить? – предложила Никифоровна.

– Поздно уже, им, кажись, лет по пятнадцать, уже.

– Выпилить половину, – предложила Эльвира.

– Ты что! Они породистые. Осенью посмотрите, какие. Иваныч с Москвы их привозил, с питомника.

– Лучше бы он «викторию» привёз с питомника, – проворчала Никифоровна.

– А, так у соседки справа спроси, Ольги. Сейчас же как раз её чистят перед зимой, усы там обрезают, не знаю... К Ольге подойди, она баба нормальная, ещё подружитесь. Даст тебе этих усов.

* * *

Сентябрь, Москва.

Начались занятия в универе. Мы все оказались на одном потоке: я, Лёха, Семён и Ираклий. Старались держаться везде вместе, и на учёбе, и в общежитии. Даже получилось заселиться в одну комнату нового здания Дома аспиранта и стажёра (ДАС) на улице Шверника. Потрясающий комплекс, включающий в себя всё необходимое для жизни. Новая мебель, просторные комнаты. Только мы разделили полки в шкафах и порадовались своему везению, как к нам подселили пятого. Притащили ещё одну койку и тумбочку.

Семён со знанием дела объяснил, что всегда так не будет. На первых курсах большой отсев, и студентов набирают с запасом, чтобы на выходе оказалось достаточное количество выпускников.

Пятым к нам пришёл выпендрёжный блондин, мы виделись на вступительных экзаменах, в лицо знали друг друга.

– Константин Брагин, – сквозь зубы процедил он, представляясь, и бросил свой рюкзак на первую попавшуюся койку, которая уже была занята мной.

– Эта уже занята, – спокойно переложил я его рюкзак на только что принесенную койку.

Думал, сейчас начнется заруба, так он презрительно на меня посмотрел. Но нет, перенёс тихо. Какой-то он странный, так смело нарывается. Сильно блатной, что ли? Ну, посмотрим, что дальше будет.

Парни не стали ему представляться и протягивать руки. Сделали вид, что его вообще нет в комнате.

Тания И.Т. оказался Ираклий. Не стал у него ничего пока выяснять, решил дождаться более подходящего случая.

Первого сентября, придя на занятия, увидели возле расписания большое объявление: «Сбор студентов 1 курса 10.09.1971 в 8.00 в фойе экономического факультета. С собой иметь: ...». Дальше шел небольшой список необходимых вещей. А под объявлением кто-то от руки дописал: «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку!».

Хо-хо-хо! Картошечка! Повеселимся... Я реально обрадовался. С выездами на картошку у меня были связаны очень теплые воспоминания. Однокурсники взволнованно гомонили, обсуждали предстоящее мероприятие. Кто-то выглядел веселым, а кто-то откровенно перепуганным. Можно понять, на самом деле. Для некоторых, выросших в тепличных условиях, городских мальчиков и девочек поездка на пару недель в какой-то непонятный колхоз далеко от уютного дома и заботливых родителей казалась серьезным испытанием.

Тем же вечером метнулись с Лёхой в гости к девчонкам. Надо посмотреть, как они устроились. Новостями поделиться. Звонил отцу с вахты, узнать, где девчонок искать. Наши вахтёры первокурсников пропускали строго по спискам, студенческих у нас ещё не было. Посторонним вход воспрещён. А лазейки мы ещё не нашли. Наверное, в общежитии Горного также. Сразу попросил отца предупредить вахту, что мы с Лёхой свои.

Девчонкам отец выхлопотал, как и обещал, отдельную комнату. Рассчитана она была на троих, но заселили их вдвоём.

– Ну что? Как вам комната? – спросил я, осматриваясь.

Галия довольно улыбалась, несмотря на скромность интерьера вокруг.

– Столько народу! Я боялась, что нас, как всех, по четыре человека в комнате поселят, – поделилась она.

Диана с растерянным видом сидела на койке. Да уж, это тебе не элитная квартира. Ремонт в комнате был, но давно. Мебель убитая. Штор не было. Затоптанные полы, похоже, здесь давно никто не убирался.

Деревянные оконные рамы в ужасном состоянии. Внутреннее стекло на одной половине было прихвачено только кусочками штапика сверху и снизу. Лёха заинтересовался, что я там разглядываю и тоже подошёл к окну.

– Тут заклеивать окна на зиму хорошо надо будет, – сказал он.

– Да. И стекло прижать плотнее, – добавил я.

Тут мне пришла в голову мысль проверить замок на входной двери.

В дверном полотне зияла сквозная дыра от старого врезного замка. Ну ладно, забьём. Но действующий замок!.. Его надо однозначно менять: любим ножом откроешь.

– Надо им засов какой-нибудь изнутри сделать. – показал я Лёхе на щель между дверью и косяком. – И ещё, девчонки, не храните ничего ценного в комнате.

Они испуганно уставились на нас.

Сделал успокаивающий жест и пошел к коменданту, который уже знал меня, как сына Тараса Ивлева. Мне пришлось познакомиться с ним, когда в общагу с Лёхой прорывались.

– У девчонок в комнате дверь очень хлипкая и замок не очень, – начал я.

– И что ты от меня хочешь? – устало огрызнулся он, не дав мне договорить. – Другую комнату?

– Нет, что вы! Спасибо огромное за комнату, – поспешил я его успокоить. – Я только хотел им щеколду какую-нибудь изнутри сделать. Нет ли у вас?

– Щеколду найдём... – проворчал он и повёл меня по коридору в каморку, запертую на увесистый навесной замок.

Выдал мне и щеколду, и гвозди с молотком. Хороший дядька. Надо с ним подружиться. А то я даже не знаю, как его зовут. Комендант и комендант.

Приколотил девчонкам на дверь задвижку с внутренней стороны. Гвозди загнул для надёжности. Уже не до красоты и аккуратности.

– По-хорошему, здесь бы дверь новую вставить... – сказал я. – Но уже как есть. Дырку от замка заткните газетой пока. На ночь закрывайтесь на щеколду.

– Зачем? – испуганно спросила Диана.

– Ну мало ли... Сокурсники решат поступление отметить, бузить начнут.

– Ой, мамочки, – простонала сестра, видимо, вспомнив, как к ней пьяные урки домогались.

– Да ладно тебе, – попыталась успокоить её Галия. – Не будут же они в чужую комнату ломиться.

Я молча подошёл к окну посмотреть, высоко ли тут до земли.

– Второй этаж... – проговорил я мысли вслух.

Девчонки смотрели на меня, открыв рот.

– Я так, на всякий случай, пути отхода... Не бойтесь! Надеюсь, не понадобится. Но, на всякий случай, рядом справа пожарная лестница.

– Ага-аа, – посмотрела на меня с отчаянием сестра. – Наверное, надо было, всё-таки, к отцу идти жить.

– Никогда не поздно, – ответил ей я. – Но не спеши, может, тебе ещё здесь понравится. Пошли посмотрим кухню.

Лучше бы мы ее не смотрели... Треш и угар. О санитарии тут и не слышали. И посудой местной лучше не пользоваться, надо девчонкам свою купить.

Посидели с девчонками в комнате, пообщались. Им тоже предстояла «картошка», только ехали они пятнадцатого сентября, а не десятого, как мы. Галия, как я и ожидал, к этой новости отнеслась спокойно. Расстраивалась только, что мы с ней явно в разные колхозы попадем, вместе поехать не выйдет. А так морально вполне была готова. Понятно, что дочь пожарного, привыкшую с отцом на охоту ездить, полевыми работами не напугаешь.

Диана, ожидаемо, энтузиазма не испытывала. Но, как я понял, сестренка еще пока особо не представляла, что им предстоит на «картошке», поэтому особо не возмущалась и не боялась. Небось думает, что будет жить там в благоустроенном доме с удобствами и кушать завтраки, обеды и ужины в приличной столовой, – мысленно усмехаясь, понял я. Не стал ее разуверять

в заблуждениях, а то еще бросит учебу прямо сейчас и уедет домой к маме. Чтобы и дальше ее баловала.

Уехали мы с Лёхой с целым списком того, что нужно сделать в комнате девчонок срочно, включая покупку посуды, и ещё больший список того, что может немного подождать.

* * *

Общезитие Горного института, комната Галии и Дианы.

– Мне уже совсем не хочется здесь жить, – капризно поделилась с подругой Диана.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Галия, раскладывая свои вещи в шкафу. – Отмоем тут всё, шторы повесим, обои новые поклеим...

– Ага-аа, поклеим... – передразнила её Диана. – А ты умеешь?

– Ну, помогала как-то родителям... Да парни помогут. Мы же не одни с тобой!

* * *

Вернулись мы с Лёхой к себе в ДАС, едва успев заскочить в двери до комендантского часа.

Иракий с Семёном доложили, что нашли уже в этом огромном комплексе столовую, бассейн, спортивный зал, библиотеку, кинотеатр, магазин и медпункт. Лазили по этажам весь вечер, заблудились. Целое приключение пережили. Оба довольные.

Да, с общагой нам явно повезло больше, чем девчонкам.

– А этот где? – спросил я. – Арийской расы который, голубая кровь, белая косточка.

Парни пожали плечами, усмехаясь моей шутке.

– Кстати, туалеты и душевые вы тоже нашли? – спросил я. – Спать уже что-то хочется.

Мне показали направление и я, прихватив полотенце и «мыльно-рыльные», пошёл искать удобства у нас на этаже. Когда вернулся, Константин уже пришёл и укладывался.

– Ну, что все дома, – констатировал я. – Выключаю свет?

– Давай, – согласился Лёха.

Никто не возразил. Я запер входную дверь изнутри и пожелав всем спокойной ночи, погасив свет. Мы улеглись. Какое-то время со всех углов раздавался скрип пружин панцирных коек. Наконец, всё стихло. Я уже задремал, как вдруг раздался громкий зычный храп.

От неожиданности я сел в кровати. Храпел Иракий. Громко, протяжно и витиевато. Включился свет. Это Ариец стоял у стены, держась за выключатель.

– Какого...! Мать его за ногу! – вскричал он. – Это что такое?!

– Он же не специально, – проворчал я, шурясь от света. – Видишь? Он спит.

– А нам что делать? – спросил, тоже шурясь, Лёха.

– А нам надо научиться засыпать вперёд него, – ответил я. – Срочно!

У нас был в армии такой же пацан, храпел как паровоз. Давал нам всем фору в двадцать минут, а потом ложился спать сам. Кто уснуть не успел, сам виноват. Но мы всегда успевали.

– Я и не знал, что он так храпит! – смеясь, встал над приятелем Семён и зажал ему нос.

Иракий тут же вскочил и спросонья стал отбиваться.

Объяснили ему суть проблемы. Окончательно проснувшись, он признал за собой грешок.

– У нас в семье все мужики храпят, – оправдываясь, сказал он. – Мама привыкла, говорит, что спать в тишине не может.

– Твоя мама в этом аду уже лет двадцать живёт, – ответил я ему. – привыкла, а мы нет. Давай-ка, сначала мы все уснем, а потом ты ложись минут через двадцать. Если кому-то не хватит времени, придётся тебе до тридцати минут гулять, ждать, пока мы все вырубимся. И по хорошему, ты должен предупреждать окружающих о такой своей особенности.

– Ничего себе «особенность», – вскричал Ариец. – Это же кошмар! Ужас!

– Успокойся, – осадил я его. – Он такой уродился, в этом нет его вины. Всё. По койкам. Ираклий, ты ложишься последним, даёшь нам заснуть.

– Ладно, – проворчал он и встал у окна, поглядывая на часы.

Ночь прошла спокойно. Мы даже выпались. И дальше так и повелось, сначала все засыпают, потом только Ираклий ложится.

Утряслось расписание пар, мы активно включились в учебный процесс.

Была у меня ещё одна стычка с Брагиным. Ариец каким-то образом оказался комсоргом нашей группы. Как он им оказался?.. Кто его избрал? Вел себя заносчиво, разговаривал со всеми нами в повелительном наклонении. Слово «пожалуйста» не употреблял принципиально. Он ни с кем не дружил. Указания и задания раздавал с таким уверенным видом, что одноклассники, еще не разобравшись, кто есть кто, не решались ему отказать. Причем я так понял, что раздаваемые им задания собственно были его работой как комсорга, а он просто ее на остальных перепихивал внаглую. Кого-то он мне напомнил? – возникла в голове ироничная мысль. А, Сатчан аналогично действовал.

Вот только Сатчан, в отличие от этого «избранного всеми богами», обладал еще и хитростью, и житейской мудростью определенной, понимая, что без друзей и поддержки никакой блат не поможет. А этот тупо прет напролом по головам, показывая всем своим видом, насколько выше остальных.

На этой волне Брагин также уверенно подкатил ко мне.

– Ивлев! Вот список группы. Распиши, кто в какой комнате живет, если в общежитии. Или адрес, если не в общежитии, – велел он мне.

– Ничего себе заявки! – удивился я. – А больше ничего не надо?! Ты чего тут пальцы растопырил? Указания всем раздаешь... Ты кто такой?

– Я комсорг группы! – воскликнул он.

В аудитории наступила тишина. Было слышно, как Ариец шумно задышал, еле сдерживая гнев.

– И дальше что? – напирал я. – Кто тебя избрал? Я за тебя не голосовал. Товарищи! Кто за Брагина голосовал?

Все молчали.

– Генерал ты без армии, – развел руками я. – Так что нечего тут командовать.

– Да ты знаешь, кто я? – вдруг запыхтел ещё больше Брагин.

Кстати, давно хотел это узнать, всю голову сломал. У меня не складывалось: таким заносчивым может быть только представитель золотой молодёжи, но тогда, что он делает с нами в общежитии?

– Дай угадаю – потомок графа Монте-Кристо? Так я тебя разочарую – у нас тут советская власть. Дворянское звание больше не дает никаких привилегий!

И я с интересом уставился на него в ожидании ответа.

А он покраснел от злости, пнул деревянную скамью и выскочил из аудитории, так ничего и не объяснив.

Глава 4

Общежитие Горного института, Москва.

Приехав в общежитие к девчонкам, застал их в панике:

– Представляешь, ночью кто-то как дал ногой по нашей двери! Хорошо, что ты шеколду установил, так дверь устояла! А замок сломался! – сбивчиво сказала Галя, прижимаясь ко мне.

Эх, и здесь, в таком приличном вузе в столице, нашлась какая-то скотина, что девушек пугает! Я уже навел справки среди новых друзей – Горный институт в столице уважали. Играла роль и форма, и традиции. Отзывы о них были в целом хорошие, нормальные парни, девчонок, правда, там было маловато по понятным причинам.

– Не бойтесь! Я поговорю с комендантом. – попытался успокоить я девчонок. – Приструним этого шутника.

– Думаешь, это шутка чья-то? – неуверенно спросила Диана.

– Конечно, – уверенно кивнул я, – идиоты везде встречаются. Вот и у вас в общежитии завелся такой, который думает, что это смешно.

– Вообще не смешно, – мрачно сказала Галя, – мы полночи не спали потом. И замок сломан. Как теперь из комнаты уйти?

А вот это действительно было проблемой. Замок новый вставить несложно, но печаль в том, что дверь стара как этот мир, куски отваливаются со стороны косяка. Не факт, что новый замок держаться нормально будет.

– Ладно, ждите меня здесь, – сказал девчонкам, – пойду к коменданту сбегаю. Подумаем, как вас спасать.

Спустился к коменданту. Описал проблему. Мужик реально вывернулся на этого шутника.

– Совсем обнаглели, казенное имущество портить, – возмущался он, поднимаясь к нам на этаж. – Я найду на них управу. Попляшут у меня!

Осмотрев дверь, пришел к тому же неутешительному выводу, что и я.

– Косяк повредили, треснул. Замок уже не врежешь тут, некуда. От старого вон дыра. Дверь менять надо, – мрачно констатировал он.

– Как дверь! А когда поменяют? У нас же занятия. – встревоженно начали расспросы девчонки.

– Пока менять не на что. Новой двери нет, – покачал головой комендант. – Я внесу комнату в очередь на ремонт. Там видно будет.

– А сейчас нам как жить? – опешили девушки. – Иван Сергеевич, миленький, мы ведь даже закрыть дверь не сможем, на занятия уходя. Может нам в другую комнату переехать? – с надеждой спросила Галя.

– Другой комнату уже не найду. Общежитие переполнено, – покачал головой комендант.

Галя и Диана с отчаянием посмотрели на меня. Надо было что-то срочно решать.

– Иван Сергеевич, а навесной замок у вас найдется? – спросил я коменданта. – Можем его пока повесить как временное решение.

– А ты головастый, – одобрительно кивнул комендант, минуту подумав. – Пошли. Навесной точно есть, и дужки к нему найду.

В итоге прибил девчонкам на дверь снаружи петли для навесного замка, отыскав место повыше, там, где дверь была попрочнее, без дыр от предыдущих установок замков. На какое-то время хватит, а там надо дверь новую искать и менять самому. В формулировку «поставлю в очередь на ремонт» я верил слабо. Изнутри двери пониже установил еще одну шеколду,

предусмотрительно выпрошенную у Ивана Сергеевича. Тот поворчал, но дал. Девушки все-таки в комнате живут. Немного их в общаге Горного, надо беречь. С двумя щеколдами дверь получше держаться будет, не слишком сильные удары выдержит.

Галия с Дианой придирчиво осмотрели результаты моей работы. Опробовали замок и щеколды. Неохотно признали, что пока сойдет, но смотрели неодобрительно, поджав губы и хмурясь.

– Так. Не вешаем носы! – скомандовал им по возможности весело. – Вернемся с картошки, первым делом займусь поиском новой двери. Не переживайте. Лучше скажите, вы вещи для поездки на картошку собрали? Если что забудете, там взять негде будет.

– Резиновые сапоги надо где-то взять, – сразу переключилась Галия на новую тему. – Мы с собой в Москву их не брали. Не думали, что пригодятся.

– Да, сапоги нужны обязательно, – я кивнул, – мне, кстати, тоже. Так, сегодня уже поздно метаться, а в понедельник после занятий захожу за вами и идем в магазин. Не задерживайтесь с пар.

Девчонки синхронно кивнули. В магазин они идти всегда были готовы, даже за резиновыми сапогами.

– Ой, посмотри, нам сегодня форму выдали, – встrepенулась Диана. – Совсем из головы вылетело, что хотели тебе показать. С дверью этой обо всем забыли.

– Ну, показывайте.

Девчонки начали вытаскивать из шкафа вешалки с формой студентов Горного института. Строгая синяя форма, похожая чем-то на милицeйскую, но вместо погон нашивки с гербом Горного института. Синяя и белая блузки, юбка, китель, плащ.

– Позже еще форменное пальто, сказали, выдадут, – похвасталась Галия. – В начале октября обещали.

– Здорово! – похвалил я форму. – Выглядит солидно.

– Да, – ответила Галия, – вот только не совсем по размеру она нам.

Диана подтверждающе закивала головой.

– Совсем не по размеру, – огорченно сказала она, – ушить надо. А где тут в Москве портниху искать?

– Зачем вам портниха? – успокоил я девушек. – Бабушка же с Никифоровной переехали уже. Они наверняка шить умеют не хуже настоящих портних. У них немецкая машинка швейная очень качественная, еще дореволюционная, только наладить ее надо. Поедем к ней на выходные сейчас. Форму с собой возьмете. Все и сделаем.

Девчонки просияли.

– Только нам мастер нужен, швейную машинку починить, – поспешил я напомнить им, что не все еще так гладко, как хотелось бы. В городе никого еще не знаем, так что бате сейчас позвоню.

Сбегал к автомату. Терпеливо дождался, пока низенькая брюнетка из общаги, уже в форменной одежде, договорит со своей то ли мамой, то ли бабушкой. Зато у нее же разменял десять копеек на две двушки, чтобы самому позвонить можно было. Сдачи у нее не было, да я и не настаивал – дорога ложка к обеду. Все никак не привыкну, что в карманах обязательно должна быть медь – слишком прикипел к эпохе смартфонов, позабыл свои корни. Ничего-ничего, меня тут быстро жизнь заставит все вспомнить, что знал и умел в молодости, чтобы комфортно жить в СССР!

Повезло – папаня был дома. Изложил ему суть проблемы:

– Могу портниху порекомендовать хорошую, дешево берет, – сразу же сказал он, – и Кира, в принципе, кое-что тоже умеет, можете к нам подъехать хоть сейчас. А то да, девчонкам важно, чтобы форма хорошо сидела.

– Я просто хочу одним выстрелом сразу двух зайцев убить, отец, – сказал ему, – наверняка еще много раз что-то понадобится подшить или сшить. Мне бы швейную машинку лучше починить, что у бабушек в деревне. Они обе рукастые, так что сразу на будущее все эти проблемы и решим.

– Молодец, стратегически мыслишь, – похвалил меня отец, – тоже вполне решаемый вопрос. У Киры дядя швейные машинки и настраивает, и ремонтирует, и у него машина есть своя. Я ему сейчас позвоню, а ты мне перезвони через пять минут, узнаю, свободен ли он на выходных.

Вот как раз вторая двушка и пригодилась! Повезло, телефон никто не занял, через пять минут снова набрал отца. Поймал себя на том, что каждый поворот диска словно бы приоткрывает передо мной какие-то воспоминания из детства. Сколько же раз раньше я совал палец в диск и набирал цифру за цифрой! Пока не появились первые кнопочные телефоны.

– Все, решили вопрос! – бодро сказал Тарас, – он подъедет завтра к 7 утра к общежитию. Он знает, где это. Проследи, чтобы девчонки к тому времени собрались, не опаздывайте. Он пораньше хочет смотаться все сделать, после обеда еще куда-то едет. Белый Москвич, номер «18–90 наш». Звать Леонид, можно Леня. Заодно и вас подкинет к бабусям.

Поблагодарил отца, положил трубку. Теперь нужно мобилизовать девушек и настроить на завтрашний ранний подъем!

Как сразу же выяснилось, кто бы сомневался, ехать им вот сразу было не в чем. Все либо грязное, либо не глаженое.

– Ну так надевайте свою новенькую форму, машинку мастер починит, переоденетесь в халатики, пока бабушки вам форму вашу ушьют по фигуре, – пожал плечами я, – а грязную одежду возьмите с собой, стираете. Неглаженую тоже погладите. В чем вообще проблема?

– Так сейчас же не по фигуре, стыдно так выходить! – страдальческим голосом сказала Галя.

– Утомись, у тебя парень уже есть, и меня эта ситуация устраивает, – пожал плечами я, – или ты хотела кому-то еще тут понравиться?

Ну, такой резон сработал. А у Дианы, я так понял, не так уж сильно ушивать нужно было форму, разок пройтись она сочла для себя не критичным. Да и сообразила, по-видимому, что на Москвиче всяко лучше до деревни добираться, чем на автобусе.

Распрощался с девчонками и рванул в общагу. Тоже собраться надо. Это им завтра к семи утра быть готовыми, а мне реально часов в пять встать придется, чтобы вовремя на месте быть. По дороге в общежитие заскочил в гастроном, купил бабулям гостинцев: сушек московских и конфет. В деревне всегда сладкого хочется.

На следующее утро без пяти семь мы уже стояли на месте и дисциплинированно высматривали белый Москвич. Совсем несложное дело при почти отсутствующем дорожном движении.

Леонид подъехал пятью минутами позже. Нескладный высокий мужик под пятьдесят, с добродушным лицом, нос на котором свидетельствовал о белорусских корнях. Так оно и оказалось – стоило только спросить, как он стал с восторгом рассказывать о батьке в Могилеве, сестре в Минске, двух племянницах в Гродно. Делал он это уже, впрочем, ведя машину в нужном направлении, и достаточно умело. Я его расспрашивал, как они там живут, имея в виду, что можно будет смотаться потом с Галией сразу в три белорусских города, да достаточно серьезных, если вдруг захочется попутешествовать. Через Леню у нас там теперь есть, где остановиться. И никого это в СССР не напряжет, скорее обрадует, люди сейчас невероятно гостеприимны, ну а белорусы останутся гостеприимными и после краха СССР. Но ясно, что и подарки из столицы прихватим, чтобы не с пустыми руками соваться к практически незнакомым людям.

Нам повезло – дождей давно не было, так что деревенская дорога оказалась пристойной, чтобы доехать до самого нашего нового дома. Сегодня был выходной, так что бабушка с Никифоровной были дома. Обе хозяйничали перед домом на участке, расчищая палисадник.

Наше появление произвело настоящий фурор. Бабуля не ждала гостей, будучи уверенной, что у нас учеба и нам пока не до визитов. Тут же начались охи и ахи и разглядывание новой студенческой формы девушек. Выглядели обе эффектно в форменных юбках и кителях с нашивками. Еще и форменные фуражки обе надели, чтобы покрасоваться.

Познакомили бабушек с Леней, объяснили кто он. Восторга еще добавилось.

– Умница ты Пашка! – похвалила бабуля. – Так вовремя мастера привез. Нам как раз занавески подшить надо. Да и постельного белья нашить. Старого на тряпки пустили много, а новое шить не на чем.

– Проходите-проходите! – вторила бабуле Никифоровна, провожая мастера в дом. – Машинка вот здесь в углу стоит. Располагайтесь. А я пока чаю нагрее.

Леня деловито кивнул, снимая покрывало с машинки и раскладывая свой портфельчик с инструментами.

Я вручил бабуле авоську с сушками и конфетами. Та заглянула внутрь, благодарно кивнула и потащила все сразу на стол в вазочки выкладывать. Девчонки смущенно потупились. Они совсем не подумали про гостинцы. Не стал ничего говорить. Им полезно. Пусть учатся думать о таких вещах.

Пока женщины хлопотали, накрывая на стол и делились последними новостями, Леня закончил с машинкой и вышел к нам на кухню. Молодец, буквально минут сорок у него все заняло, не больше.

– Принимайте работу, хозяйки, – весело сказал он.

– Как? Уже все сделали? – удивленно всплеснула руками бабушка.

– Да там не так много работы было, – пожал плечами мастер, – машинка в хороших условиях хранилась, а это самое главное. Чуть подладил где надо, подтянул и готово.

Бабушка с Никифоровной тут же пошли испытывать машинку. Все работало как надо. Неубиваемая все-таки вещь – эти «Зингеры».

– Вы главное, хомут с колеса снимать после работы не забывают, – наставлял Леня женщин. – Иначе растянется. А так это техника отличная. Работать должна хорошо. Но если будут какие вопросы. Обращайтесь.

– Спасибо вам большое! – поблагодарила бабушка мастера и позвала всех чаевничать.

Леня посидел с нами, попил чаю. От денег категорически отказался, сказав, что особо ничего не сделал, да и неудобно брать деньги с родственников. Смущенно взял ссобойку, которую ему шустро собрала Никифоровна. Та тоже умела на своем настоять. Аргумент из серии «я обижусь» сработал безотказно. После этого Кирин родственник укатил по делам, тепло со всеми попрощавшись.

Женщины тут же переместились к швейной машинке, начав колдовать над формой девчонок. А я, чтобы не мешать им, пошел во двор и начал приводить в порядок дровню. Часть дров была уложена в поленницу, а часть кучей валялась рядом. Прежний хозяин, видимо, не все успел сложить. Еще часть дров в виде чурок была свалена на подъезде к участку. Занялся в первую очередь чурками. Перетаскал их поближе к дровне, где была установлена колода для колки дров. Потом сложил в поленницу уже наколотые дрова, чтобы не валялись. А то осень, дожди зарядят скоро, все намокнет. Разобравшись с колотыми дровами, занялся чурками. Нашел в сарае топор, наточил и занялся колкой дров. Колун бы лучше подошел, но повезло, что топор был очень большой, веса хватало, чтобы раскалывать большинство чурок с первого раза.

Занятие это для меня медитативное. Да и форму на бетонных работах набрал неплохую, так что увлекся и опомнился только тогда, когда Галия пришла меня искать, одетая в уже под-

шитый форменный костюм. Сидела форма великолепно, о чем я с таким энтузиазмом сообщил подруге, что даже смутил ее немного.

* * *

Ксения выглянула в окно, посмотрела в сторону соседского дома и тут же встревоженно позвала мать:

– Мама, плохо дело! Соседи милицию вызвали!

– Что? Какая милиция? – подошла к дочери Шура, на ходу вытирая руки о передник. – И правда, милиция.

– Что теперь делать-то? – в панике спросила дочь.

– Успокойся, – Шура тоже встревожилась не на шутку, но старалась держать себя в руках, – мы еще ничего ведь особо не делали. Порасчищали тот фундамент старый да и все. Точно, – сказала она, – это они явно из-за того участка милицию позвали. Говорила тебе. Не спеши. Давай сначала все оформим. Никогда меня не слушаешь!

Дочь при этих словах махнула на мать рукой, и обе женщины снова встревоженно уставились в окно.

– Я и не знала, что у нас в отделе милиции женщины есть, – удивленно сказала Ксения.

– Так их и нет, – ответила мать, – они зачем-то городских милиционеров привезли. Свя-зями своими, что ли, пофорсить хотят, московскими? Показать нам, что у нас шансов нет с ними тягаться?

* * *

Покушали, неторопливо поболтали о том, о сем. Больше бабули расспрашивали, конечно, нас. Какие у них тут могут быть новости в деревне? Но и у нас с новостями было не густо – что ждем отъезда на картошку, осваиваемся в общежитиях.

Через час в дверь постучали. Я пошел открывать, и обнаружил на пороге незнакомого деда.

– Трофим я, парень! – важно сказал он.

– Паша, – представился я, и крикнул, – бабушка, к тебе Трофим!

Бабушка подскочила очень быстро.

– Заходи, Трофим, – сказала она любезно дедку.

А тот и рад – чуть ли не быстрее меня в гостиной оказался.

– Сосед наш, Трофим, – представила его всем Никифоровна, – а это Диана и Галия.

Деда пригласили сесть за стол, налили чаю. Тянуть он с причиной своего визита не стал:

– А не слишком ли сурово вы взяли, Никифоровна? – обратился он к ней через стол, – а как дальше в деревне будете жить, после того, как соседей посадите, не подумали?

Мы удивлённо замерли, переглядываясь. О чем он говорит, вообще?

Глава 5

Московская область, деревня Коростово.

Первой опомнилась бабушка:

– Да о чем ты, Трофим?

– Да как будто вы не понимаете! – осуждающе покачал головой дедок, – вот же милиционеров из самой Москвы на Москвиче привезли? Привезли!

– Каких милиционеров? – не могла понять, о чем он говорит, бабушка.

А я как-то сразу понял. А ведь думал уже, что форма Галии и Дианы на милицейскую похожа. И вспомнил, что были терки с соседями из-за дома, еще, правда, не расспросил бабулю, чем все там закончилось. Ох уж эти деревенские! Жизнь тут воспринимают порой причудливо.

– Бабуля, они решили, что Галия и Диана из милиции... – подсказал все еще донельзя удивленной бабушке.

– Конечно, из милиции! – вскинулся дедок, – вот и форма милицейская!

– Это не милицейская форма, это форма студенток Московского горного института, – с улыбкой сказал я Трофиму.

Галия при этих моих словах встала и подошла поближе, чтобы сосед смог рассмотреть форму внимательнее. Дед Трофим сначала посмотрел на меня удивленно, а потом подошел и начал с интересом разглядывать нашивки на кителе.

– Ты глянь! И правда, не милицейские погоны, – сказал удивленно дед, – молоточки какие-то.

Он еще походил вокруг Дианы с Галией, а потом расхохотался.

– Вот бабы-дуры! Михайловы-то эти переполох на всю деревню устроили. Уже второй час носятся по соседям, голосят, что их новые жители посадить хотят ни за что. Просто, мол, к участку присматривались по соседству, а на них сразу милицию позвали. Да не простую, а столичную.

Дед смеялся так, что аж слезы на глазах выступили.

– Да как бы сюда столичная милиция приехала? С чего? – развел я руками.

– Так и я подумал, – подтвердил Трофим, – что странно это как-то, не делается так. Чего бы без нашего участкового кто-то еще приехал? Потому и пошел к вам разузнать....

– Они бы подошли, спросили, – сказала растерянно бабушка, – мы бы объяснили все как есть.

– Да вы что! Они ж перепугались не на шутку, – снова начал смеяться Трофим, а потом добавил уже спокойнее, – вы им, смотрите, сами не говорите ничего. Пусть думают, что и правда милиция. Меньше хлопот вам с ними будет. А то они вредные, гадости могут исподтишка делать.

Никифоровна с бабулей кивнули, а дед им заговорщицки подмигнул.

– У страха глаза велики. Придумают себе сами пугалок, меньше времени на пакости останется, – важно сказал Трофим.

– А участковый не явится посмотреть, что тут за милиция залетная?

– Гоша-то? – пренебрежительно спросил дедок, – он для этого хотя бы трезвый должен быть. А он же не протухает... Побойтса.

Похоже, Михайловых в деревне не особо жалуют. Видимо, не с нами первыми они сцепились. Удачно мы с девчонками форму подогнать заехали. Бабулям польза сплошная: и машинку наладили, и погостили, и соседей напугали...

Пообщались с дедом еще немного, потом занялись делами. Девчонки помогли дом в порядок приводить, а я продолжил разбираться с дровами. Ночевать решил в Москве, чтобы

завтра пробежаться по магазинам и купить все недостающее из вещей, не откладывая на понедельник. А то мало ли, после пар не успеем, или дела какие появятся.

Свои резиновые сапоги, вспомнив, я у бабули забрал. Еще одна польза от поездки. Хорошо, что бабушка с Никифоровной успели уже переехать и все вещи привезти. А то пришлось бы новые сапоги покупать. А так у меня к «картошке» все было готово по списку. Девушек осталось собрать, и можно быть спокойным.

Галия и Диана воспользовалась моим советом, подгладили неглаженую, но выстиранную одежду старинным чугунным утюгом моей бабули, выстирали и взяли мокрым с собой то, что испачкалось. Форму сняли, не было больше необходимости, тем более, как сказала Галия, ее все время носить не надо, только на официальные мероприятия.

– Бабуль, а как с Тузиком? Можно его уже к вам перевезти? – вспомнил я про своего песеля.

– Да уже можно, наверное, – неуверенно ответила бабушка. – Только как ты его привезешь? Он же не ездил в поезде ни разу. Да и тебе времени нет особо в Святославль мотаться.

– Придумаю что-нибудь, – махнул я рукой, – главное, чтобы вы были не против.

– Мы как раз не против, – заверила меня Никифоровна. – С собакой веселее будет, да и спокойнее. Деревня все-таки, да и зима скоро.

Я кивнул. Надо теперь решить, как и с кем мне пса в Подмоскowie передислоцировать. Задача!..

Ближе к вечеру мы с девчонками пошли на автобус, благо остановка была недалеко. Деревня от Москвы по прямой была совсем близко, но автобус ехал какими-то круглыми путями, останавливаясь на каждом столбе. Так что до автовокзала весь путь по времени занял почти час. Учитывая, что половина пути шла по очень плохой дороге с кучей колдобин, путь получился весьма утомительным.

– А на машине так быстро было, – удивленно сказала Диана, устало выпрыгивая из автобуса на автовокзале и поправляя юбку.

– А ты говорил, что может мы там сможем жить и на учебу мотаться, – с сомнением сказала мне Галия.

– Пока машину не куплю и на права не сдам, живем по общагам, – мрачно, но твердо ответил я.

Так ездить каждый день туда-обратно – радости мало. Если бы хоть электричка рядом была. Они ходят чаще, да и комфортней в сто раз по сравнению со стареньким автобусом. Эх-хех! В 21 веке туда уже метро ходить будет, там престижные коттеджные поселки стоять будут, по прямой-то до МКАД – 11 километров всего! Но сейчас это пока пригород, причем не самый удобный с точки зрения логистики. Пора взрослеть и садиться за руль, – мелькнула в голове ироничная мысль. Вот именно, взрослеть, до восемнадцати лет получить права не получится. Хотя, как вариант, Галия может на права сдать – была бы машина, главное!

Проводил девушек до общежития, так как уже стемнело. Лучше поостеречься.

– Завтра зайду за вами, по магазинам пойдем. Приготовьте список, – сказал им, прощаясь.

– В понедельник же собирались, – удивилась Диана.

– Давайте завтра лучше все купим, чтобы не откладывать. К тому же с утра народу в магазинах поменьше будет.

– Согласна. Идея хорошая, – кивнула Галия. – Во сколько встречаемся?

– Давайте часов в 10, – предложил я.

Девушки синхронно кивнули. Договорившись о планах на завтра, разошлись по домам.

* * *

Когда Инна в пятницу приехала на выходные к матери в Святославль, Славка уже сидел у них дома. Как-то сам собой сложился такой распорядок. Каждый вечер пятницы Славка приходил к Алироевым, дожидался Инну, чтобы узнать новости про Эмму. А утром в субботу ехал в Брянск, чтобы навестить ее в больнице.

– Вчера консилиум снова собирали, – рассказывала Инна, поужинав и взяв Аришку на руки. – Эмма уже вполне неплохо себя чувствует. Восстановление идет хорошими темпами. Доктор сказал, что вероятно ее скоро домой выпишут.

– Как домой? Когда? – изумился Славка.

– Пока точно ничего не сказали. Анализы еще делают. Но капельницы закончили, уколы тоже. Остались текущие реабилитационные процедуры, массаж, лечебная физкультура. Их можно и дома делать.

– Ой, как хорошо! – всплеснула руками Аполлиария. – Девочка, наконец, домой вернется.

– А когда точно известно будет про выписку? – не унимался Славка. – А как ее в Святославль повезут?

– Я на следующей неделе узнаю и сразу сообщу, – попыталась успокоить его Инна. – Сначала нейрохирург должен заключение дать и разрешение на выписку. Если он согласится, то тогда уже можно будет об отправке ее домой хлопотать. На скорой привезут, конечно.

– Ладно, у Эммы завтра сам спрошу, – махнул рукой Славка.

– Она не знает ничего, кто ж ей скажет! – Инна покачала головой. – Не тревожь ее без нужды. Когда все точно узнаем, тогда и расскажешь. А то она еще волноваться начнет, а ей этого вот совсем не надо.

Славка кивнул.

– Ты, Слава, пойдешь лучше Кларе Васильевне новости расскажи, обрадуй ее, – посоветовала Аполлиария. – Вот ей точно лучше заранее о приезде внучки знать. Может комнату подготовить надо.

– Точно! – Славка вскочил. – Может помощь моя нужна будет. Побегу. Спасибо вам большое!

– Хороший парень! – вздохнула Инна, закрыв за убежавшим Славкой дверь. – Так старается. Повезло девочке с ним. Хоть бы восстановилась полностью.

И они с матерью синхронно вздохнули.

* * *

В воскресенье мы шопинг провели почти молниеносно – резиновые сапоги все же не предмет дефицита в Москве 1971 года. Побродили потом по городу, благо погода была хорошая. Покушали в пельменной и разбежались вечером по своим общагам.

На следующее утро я сразу начал активничать. Собрал на перемене Семена, Ираклия, Леху и начал с ними перетирать:

– Пацаны, надо нам как-то шевелиться начинать. В группе будут три важные для комфортной жизни студентов должности – комсорга, старосты и профорга. Вы видите, что творится – Брагин самозахватом решил стать комсоргом. Подтянул кого-то сверху и теперь командует всю со своей вечно недовольной мордой. По-хорошему, надо перестать тормозить и определиться, кого мы сами хотим видеть на этих трех должностях. Самим прикинуть, с другими нормальными людьми посоветоваться. Того же Брагина переизбрать, когда найдем

достойного человека, и убедиться, что такого же сюрприза с самозахватом не будет со старостой и профоргом.

– А что? Правильная идея! – оживился Семен.

– А сам ты какую из этих должностей занять хочешь? – спросил с непроницаемым лицом Ираклий.

И только Леха ничего не сказал. Стоял, удивлялся услышанному. Не совсем еще пацан созрел, даже не понял, что именно я предлагаю, и как это сочетается с его обычной робостью перед взрослыми людьми. Видимо, был уверен, что нам профессора или товарищи из деканата всех назначат, как с Брагиным вышло. А от нас совсем ничего не зависит.

– Мне лично никаких должностей из этих трех не надо, у меня большие планы на учебу, – почти честно ответил я. В той части, что меня лично эти должности не интересуют, вообще не соврал, приврал только, что у меня планы на учебу. Учеба пока что была легкой и простой – большинство предметов, что стали полной новинкой для сокурсников, я на первом высшем в другой жизни прошел. С другими преподавателями, в другом московском вузе – но, тем не менее, это не с нуля изучать. Не хотел я становиться комсоргом, профоргом или старостой, потому что это много разных обязанностей. Тому же Мишке или Славке во время своих лекций в Святославле я предлагал идти в комсорги, потому как им нужно управленческий опыт приобретать с нуля и хоть так нужные связи заводить. В моем случае опыта у меня было выше крыши, как и умений заводить нужные связи в самых разных ситуациях. К тому же я предвидел, что скоро в Москве, в соответствии с полученной от Галии информацией о его сборах, появится Сатчан. Да если он даже меня снова по линии общества «Знание» привлечет, мне уже будет не до беготни со списками студентов и их мелкими проблемами. Это же Москва, тут совсем другой размах. Если даже в Святославле, выступив всего несколько раз, я заработал кучу заявок от организаций на мои персональные лекции, то в Москве, если людям понравлюсь, они могут лавиной на меня обрушиться. А почти каждая лекция – десятка, а иногда еще и подарки интересные. Всякой мелочью, как староста или комсорг, совсем не с руки будет заниматься.

А зная Сатчана, ох, вряд ли только этим все дело и ограничится! Я, в частности, хотел от него поддержки, чтобы попасть в этот самый «Комсомольский прожектор», о котором он мне и рассказал. Стосковался я уже по своей прежней работе, а это хоть как-то похоже на нее будет. По крайней мере, совершенно точно, до получения вышки ни о чем более серьезном мне точно мечтать нет оснований.

Вот тут уже, при моем ответе, лицо Ираклия дало сбой – вместо непроницаемой маски увидел на нем тень сомнения. Хорошо он меня читает, однако! Не случайно именно его фамилия при поступлении, как и моя, имела карандашную пометку. Кто-то серьезный, как мой Сатчан, его в МГУ протасил. А блатные бывают двух категорий – бестолковые, как тот же Брагин, который хорошую возможность получил и тут же зазнался, и очень даже толковые, которые при помощи блата просто раньше поднимаются по социальной лестнице, чем поднялись бы без него. Ираклий явно, как и я, относится ко второй категории – что-то да умеет и понимает в этой жизни.

– Если не верите, то давайте прямо сейчас все эти должности хоть между вами троими распределим, если они вам интересны, а я потом буду за вас народ агитировать, – предложил я, – все честно-благородно.

– Эй, я точно ни на что такое не претендую! – испуганно замахал руками Леха, – не надо мне оно!

– Я бы в профорги пошел, – не стал следовать этому позорному примеру Семен, сразу проявив свои амбиции. Ну да, ему национальность не позволяет в стороне стоять, большинство евреев, которых в той жизни знал, всегда с интересом рассматривали возможности хоть какое-то управленческое место занять.

– А я в комсорги, – признался Ираклий, видимо, поверив мне.

– Значит, нам тогда надо найти кого-то вменяемого и нормального, кто уже хоть немного пользуется авторитетом среди однокурсников, и договориться с ним. Что мы его поддерживаем на роль старосты, а он Семена и Ираклия поддержит со своими сторонниками на профорга и комсорга нашей группы, – сказал я.

– Ну ты даешь! – восхитился Семен, – на ходу подметки рвешь! Прекрасная идея, вполне может сработать.

– Сейчас уже есть идеи о таком человеке? – задумчиво спросил Ираклий. Не стал рассыпаться в похвалах, мое предложение принял, как рабочее, и тут же стал его развивать. Да, я в нем не ошибся, далеко пойдет.

– Тут у нас есть одна девочка, Светлана Костенко, вокруг нее всегда девчонки собираются, и парни тоже ее внимания ищут, – сказал я, – судя по одежде, из непростой семьи, и не только своей яркой внешностью знойной брюнетки народ привлекает.

– Да, я тоже заметил и согласен с характеристикой, – сказал Семен.

– И еще неплохой кандидат – парень после армии, невысокий, но очень в себе уверен, Евгений Булатов, – сказал я, – из провинции, но чем-то он людей к себе привлекает. Надежный, спокойный, за словом в карман не лезет.

– Ну тогда разделяемся и пойдем пообщаемся с ними, словно невзначай, с их окружением, – предложил Ираклий, – прикинем, можно ли иметь с ними дело. А потом на обеде встретимся, и решим, кого из них будем поддерживать.

Дельное предложение, мы ему и последовали. Но планы внезапно изменились – после следующей пары меня неожиданно вызвали в деканат. Пришла женщина лет тридцати в черной юбке и белой блузке, с властными манерами.

– Павел Ивлев? – громко спросила она, когда мы ломанули из аудитории.

Я, конечно, отпираться не стал, подошел к ней, и она молча меня повела за собой. Вопросов не задавал – знаю я такой типаж мелких клерков. Шансы получить у них нормальный ответ, когда они своей властью упиваются, равны нулю. Так зачем ее радовать и воздух сотрясать вопросами?

Вопрос прояснился, когда она подвела меня к кабинету замдекана экономического факультета по воспитательной работе, доцент Евгений Сергеевич Зудинов.

И вот тут я догадался, по какому поводу он меня вызвал. Либо ему наш разговор в пятницу с Брагиным передали, либо кто-то наши наполеоновские планы подслушал и слил уже сегодня. Отсюда и такое отношение у методистки, что за мной пришла, властно-холодное. Привела на расправу.

Женщина завела меня в кабинет и немедленно удалилась. Замдекану было примерно сорок пять лет, густые волосы начали лысеть, лицо холеное, старательно скрипит ручкой по бумаге на столе.

Евгений Сергеевич поднял на меня глаза только минут через пять. Грамотно работает – хотел меня помариновать перед тем, как начнет разговор. Обычный студент уже, наверное, в ужасе бы трясся в ожидании. А меня на такое было не взять. Сколько я в своей жизни провел времени во всяких властных приемных в ожидании того, как позовут на серьезный разговор, даже считать неохота. Может, наверное, на отпуск накопиться. Я довольно быстро понял, что нервничать в ожидании – последнее дело. Специально таскал с собой какой-нибудь художественный роман, что пора было перечитывать, и уделял ему время.

Глава 6

Москва

– Ивлев? Павел? – спросил меня замдекана, как будто перед ним мог стоять кто-то другой.

– Так точно, – ответил я.

– До меня дошла информация, что вы будоражите сокурсников, провоцируете беспорядки в группе. Занялись какой-то групповщиной. Такое поведение недопустимо для советского студента. – сразу с места в карьер на повышенных тонах начал выяснять отношения замдекана.

– О каких именно беспорядках идет речь? – спокойно спросил я, не обращая внимания на его тон.

– Вы провоцируете конфликты, толкая студентов на противостояние с деканатом. Вы кем себя возомнили?! – взорвался замдекана, выведенный из себя моим спокойствием и тем, что его попытка сразу запугать меня и подавить не принесла плодов.

– Я просто пытаюсь выяснить, кто на меня наговаривает, – я уверенно стоял на своем, – я совершенно точно знаю, что ничего из того, о чем вы говорите, не делал.

– Чем вас не устраивает Брагин в качестве комсорга группы? – резко сменил тон замдекана, бросив попытки задавить меня авторитетом. – Сами хотели это место занять?

– Ни в коем случае, – спокойно выдержав его взгляд, ответил я. – Просто, это должность выборная. Я всего лишь поинтересовался, кто голосовал за Брагина. Выяснилось, что никто. Хотелось бы, чтобы нам дали возможность принимать участие в таких серьёзных процессах, как выборы старосты группы, комсорга и профорга, руководствуясь принципами студенческого самоуправления. Нам с этими людьми учиться и работать, вопросы решать, с деканатом взаимодействовать. Эти позиции слишком ответственные, их надо поручать тем, кто пользуется доверием однокурсников.

– Выборов старосты не бывает. Его назначает деканат, – возразил мне Евгений Сергеевич.

– Значит, вы подтверждаете, что должности комсорга и профорга выборные, – пожал я плечами, – вы же меня про комсорга вызвали поговорить, не про старосту?

Зудинов, внимательно глядя на меня, молчал и нервно стучал карандашом по столу. Видно было, что он немного растерян и не понимает, как дальше продолжать разговор. Все пошло совсем не так, как он планировал. Зеленый первокурсник не посыпал голову пеплом и не спешил покаяться.

– Тем более, я никак не могу одобрить манеру поведения Брагина. Он себя ведет так, словно все вокруг рабы, а он их хозяин. Вряд ли за это сражался Леонид Ильич Брежнев на Малой земле, – добавил я, чтобы добить оппонента.

Замдекана сразу присмирел. Любые разговоры про генсека – вещь опасная. Мало ли кто как поймет сказанное. Возражать мне дальше стало чревато.

– Идите, Ивлев, и подумайте о ... своем поведении, – нервно скомкал окончание фразы Евгений Сергеевич, – а у меня дела.

Он встал и показал мне рукой на дверь. Но я и так знал, где она находится. Кивнув вежливо замдекану, я вышел. Спокойно попрощался также кивком с методисткой. Пройдя до поворота, повернулся посмотреть, что делает Зудинов. Он тоже вышел из кабинета и быстро зашагал в другую сторону. Словно резко вспомнил о чём-то важном.

Я вернулся на пару.

Ситуация складывается неоднозначная. Интересно, какие действия предпримет Зудинов? Какой-то необходимости прогибаться перед ним я не видел. Знаю я прекрасно, что это за должность у него. Это же МГУ, где учится куча деток серьезных людей. Ему необхо-

димо искусно лавировать между ними, чтобы никто обижен не был и ректору не пожаловался на декана. И мне нужно, чтобы замдекана ко мне серьезно относился и учитывал в раскладах как игрока, а не пытался передвигать меня как пешку на шахматной доске. Потому и про Брежнева сказал – так простой студент точно не сделает. Пусть будет уверен, что я и сам из себя что-то представляю, и за мной серьезная сила стоит, и тогда мне намного легче будет тут учиться. А Брагину сложнее будет всех гонять на пинках.

* * *

Странно этот студент себя вел, словно не он его вызвал на ковер, а все наоборот. Чутье замдекана никогда не подводило, и поэтому насчёт этого Ивлева точно надо у коллег поинтересоваться, что он за птица. А то что-то он слишком импульсивно стал действовать. Брагин к нему зашел, пожаловался, вот он сразу и вспылал. А надо было сначала навести справки...

Зудинов, выпроводив Ивлева, тут же направился к знакомому, принимавшему экономическую географию на вступительных экзаменах. Когда ему популярно объяснили, что это был абитуриент «с точкой напротив фамилии», Евгений Сергеевич подумал, что хорошо, что он вовремя остановился в выяснении отношений с Кротовским протеже. КГБ – это предельно серьезно. Кому как не Евгению Сергеевичу это знать, если он тесно сотрудничал с этой организацией? А как иначе на его-то должности, студенты-то разные попадают. То он своему куратору про них что-то должен сообщить, то тот ему что-то сообщал. Никаких скандалов с антисоветскими кружками или листовками ему на факультете не надо, вот и приходилось превентивно работать с молодежью. Кого-то вовремя остановить, если по глупости что-то делал, а кого-то, если слишком умный, то отчислить и отправить на перевоспитание в армию.

Так что, с учетом появившейся информации, особого выбора у него не было. Брагин-старший ему друг, но идти против студента, на которого у КГБ уже есть определенные планы, чревато. Честно говоря, могли бы и сами ему сообщить, давненько он со своим куратором не встречался. Надо срочно назначить встречу. Но сначала нужно решить другой вопрос.

Вернувшись в свой кабинет, он набрал номер Брагина-старшего.

– Здорово. – по-свойски приветствовал он друга. – Ну, подставил ты меня со своим отпрыском! Тебе надо с ним что-то делать... Что-что? Ходит по институту, бьёт себя пяткой в грудь и кичится своим невероятным происхождением. Я не знаю, с чего он взял, что ты такой особо выдающийся. Может, ты после развода с его матерью слишком мало с ним общался? Он понятия не имеет, что такое МГУ, и с детьми каких людей он тут взаимодействует. Ходит по факультету, задрав нос. На него вон, даже преподаватели жалуются. А студенты его, того и гляди, пинками из комсоргов попрут. Короче, делай с ним что-то, принимай меры. У него очень большие проблемы с поведением... У нас такого откровенного снобизма никто себе не позволяет, даже дети очень больших людей. И да, я тебе больше не гарантирую, что он комсоргом останется после такого. Шанс я ему дал, пока что он его почти просрал. Может, ему и полезно будет в дерьмо разок окунуться, понять, что не такой он у тебя и особенный.

Зудинов положил трубку и с чувством исполненного долга подумал, что теперь у Брагина претензий к нему не будет. Да, генерал милиции величина, но с КГБ ни один генерал из других структур тягаться не рискнет. А к Ивлеву этому надо будет присмотреться. Вот уж кто явно не так прост, так это он. И главное, парень из провинции, не из московских, а ведет себя настолько уверенно, словно у него здесь все схвачено. Интересно, кто за ним стоит?

А с группой этой надо теперь вести себя предельно аккуратно. Пусть сами разбираются, кто у них староста, кто комсорг, кто неформальный лидер. А он будет держать нос по ветру и внимательно выбирать, кого стоит поддержать.

Да, это будет правильная стратегия. Войдя в свою приемную, замдекана подошёл к окну и, опершись руками о подоконник, уставился на осеннюю улицу.

- Методистка вопросительно смотрела ему в спину, пытаясь уловить настроение шефа.
– Евгений Сергеевич, всё хорошо? – наконец, спросила она.
– А? Да-да. – ответил замдекана и вернулся в свой кабинет.

* * *

В перерывах между парами обсуждали с Лёхой, что делать с дверью в комнате у девочек. Лёха не московский житель, ничем мне здесь помочь не мог. Поэтому я позвонил отцу на работу из автомата, объяснил в двух словах ситуацию. Батя сразу сориентировался и велел мне приехать сразу после пар, нигде не задерживаться, пока их завхоз институтский домой не ушёл.

Взял с собой Лёху, не может советом помочь, пусть помогает физической силой. Отец отвёл нас к завхозу, я объяснил ситуацию, и пошли мы в подвал, где хранились запасы буквально всего. Тарелки с надписью общепит стояли пыльными стопками едва прикрытые бумагой. Матрасов стопка, койки в разобранном виде, ящики с чем-то.

– Это что за стратегические запасы, Григорий Наумович? – посмеялся я.

– В корень зришь! – усмехнулся он и подвёл нас к нескольким снятым с петель дверям, лежавшим плашмя на полке.

– Подсоби-ка! – велел он мне.

Стащили верхнюю дверь с полки.

– Вот эту на Студенческую и берите! – велел завхоз.

Осмотрел её, крепенькая дверь, целенькая, даже замок ни разу не врезался. Завхоз выдал нам петли, врезной новенький замок и двухстороннюю ручку.

Лёха схватил дверное полотно, приподнял его.

– Нормально. – констатировал он.

– Вот, ты дверь до общаги и потащишь. – пошутил я. Лёха крикнул в ответ, а отец с завхозом рассмеялись. – Это всё хорошо, но у нас там и коробку надо менять. Там дверь кто-то вынести пытался, так врезали, что дерево треснуло, где замок.

– Ну, вы затеяли... – растерянно сказал отец.

– Да есть коробка. – успокоил его Григорий Наумович. – Только разобранная.

– Оно, пожалуй, и лучше, – задумчиво сказал я. – поменяем только одну сторону.

Батя откровенно нервничал и решил ехать с нами. Не доверяет, думает, не справимся сами.

– Ну, раз так, тогда, не могли бы вы нам инструмент кое-какой дать? – попросил я завхоза. – А папа завтра вернёт.

– Конечно. – согласился Григорий Наумович и выделил нам молоток, стамески, шурупы, отвертки... Даже гипса нам отсыпал, щели замазать. Это я уже попросил, увидев начатый мешок в углу. Так что нагрузились всем необходимым по полной программе.

Выйдя из здания института, подтащили всё это добро к проспекту и принялись голосовать, пока не повезло, и старенькая служебная буханка Мосводопровода не притормозила. Погрузили дверь и мешок в машину. Батя с Лёхой меня отправили с машиной, а сами поехали на общественном транспорте.

Расплатился я с машиной трешкой. Довольный, он мне ещё и перетащить помог всё моё добро к крыльцу общежития.

На вахте сразу всполошились, пускать не хотели. Но быстро появился комендант, и, одобрительно поцокивая языком, сам помог мне затащить дверь в здание.

Вскоре появились отец и Лёха, и мы четвером с комендантом поменяли девочкам дверь и часть косяка, вырезали посадочные места под петли, врезали замок и установили ручки. Я лично переставил девочкам щеколду на новую дверь и замазал щели с внутренней стороны.

А снаружи сразу наличники прибили. Комендант был очень доволен. Мы ему ещё и навесной замок вернули. Уходя к себе, он пожал нам руки и на весь коридор громко-громко сказал:

– Ещё раз кто-нибудь дверь у девушек тронет, из института вылетит!

Девчонки светились от счастья, как комендант ушёл, сразу кипятильники достали и организовали нам чаю с вафлями.

С чувством глубокого удовлетворения мы с Лёхой и батей покидали общагу, уверенные в безопасности наших девчонок. Нам с Лёхой надо было поторапливаться к себе на Шверника, чтобы успеть до одиннадцати. Труднее всего оказалось отцу с мешком инструментов, который надо было вернуть завхозу в Горном. Батя решил не тащить его домой, а сразу закинуть его в институт.

– А там открыто сейчас? – поинтересовался я.

– Постучусь на вахту, откроют. – отмахнулся отец.

Больше меня к замдекану не вызывали, и я понял, что правильно повел себя в разговоре с ним. Раз никто не пытается меня больше нагибать, значит, Евгений Сергеевич решил относиться ко мне серьезно. По курсу разошлась информация из деканата, что после приезда с картошки окончательно определятся с должностями в группах. Без конкретики – я так и не понял, будет ли возможность все же провести своего старосту? Как и сместить Брагина с позиции комсорга, заменив на Ираклия, и сделать Семена проффоргом. Но для меня это означало, что попытаться, однозначно, нужно. Лучше сделать ставки на все три важные для будущей учебной позиции, имея на них людей, что будут ко мне хорошо потом относиться, что оставить этот процесс на волю случая. Воля случая уже принесла к нашим берегам Брагина, и было ясно, что так рисковать дальше не стоит.

Посмотрев и на Костенко, и на Булатова, мы решили с парнями сделать ставку на парня. Сложно все же с девушками. Как мы ни пытались в открытую переговорить со Светой Костенко, та все играла в какие-то игры с загадочностью и прямо обсуждать ничего не хотела. А вот с Булатовым мы решили вопрос в течение двух минут. Евгений выслушал нас, кивнул и сказал:

– Вообще-то ко мне уже из деканата подходили и предлагали стать старостой. Любят они старост назначать из тех, кто армию прошел. И я согласился. Но вы ко мне подошли по-человечески, да и люди о вас хорошие неплохо отзываются, и плохо – нехорошие, так что я вас поддержу по комсору и профсору.

На этом мы предварительно и остановились. Теперь осталось только в разговорах с теми, кто с нами себя нормально вел, расхваливать Ираклия и Семена, как подходящих людей на эту позицию.

Ну а затем, конечно, настало время ехать на картошку! Нам вообще повезло, что с самого начала сентября на нее не отправили, дали поучиться пару недель, но на две недели ехать все же пришлось.

В прошлой жизни мне поездка на картошку не понравилась. Заселили нас тогда в полуразрушенное здание с выбитыми стеклами, в которые при порывистом ветре дождь прямо-таки лил, словно крыши и нет. Да были еще проблемы с местными пацанами, которые начали зариться на наших девушек. Приходилось их везде сопровождать на всякий случай. Как-то оно все сложится в этот раз?

Сентябрь был тёплым и сухим. До поры, до времени. Тепло и сухость закончились сразу, как мы выехали на картошку. В колхоз «Краснофлотец» где-то под Пушкино.

Начали, конечно, с заселения. Под эти цели колхоз для нас выделил клуб. Повезло, что он был в неплохом состоянии, стекла на месте, а большую дыру в крыше тут же помог выявить дождь, и я, позвав Леху, немедленно занялся ремонтом. Нашел большой кусок рубероида, мы поднялись по лестнице на крышу, и я засунул его поглубже под верхний, целый лист

шифера, чтобы он перекрывал трещину в нижнем листе, и закрепил щепками, чтобы не вывалился. Ремонт не на годы, но на наше пребывание точно хватит.

Вернулись мы с Лехой в здание промокшими, но я сразу ощутил, что рейтинг наш поднялся – особенно одобрительно смотрели девушки, которым наша хозяйственность пришлось по душе. Уж очень плохо была дырка расположена, прямо перед сенями изнутри. Подходишь к ним, чтобы на улицу выйти, а тебе за шиворот холодная водичка сразу льется.

В первый день с едой были непонятки. Привезли нам какой-то жидкий суп и плохо сделанное картофельное пюре с комками. И тут Евгений Булатов тут же доказал, что не зря согласился на должность старосты. Пока мы с Лехой лазили на крышу, он взял Ираклия и куда-то исчез. Появился через час, очень довольный, и заявил:

– Кормить нас теперь будут хорошо. С утра, перед тем, как ехать на картошку, будем помогать дояркам с навозом на ферме. За это нам каждый день будут давать парное молоко, тут же с фермы будем приносить по два больших бидона ежедневно. С хлебом тоже договорился, сами будем приносить из пекарни с пылу, с жару. Там даже помогать ничем не надо, хорошо к нам относятся, жалеют студентов. За помощь на ферме нам и мяса обещали подкидывать. Посмотрим, насколько щедро, но вроде обещали не жадничать. Готовить будем сами, у них тут есть для нас полевая кухня. Каши, крупы, все дадут прямо сейчас, Ираклий остался, чтобы начать принимать продукты. Так, кто умеет кашеварить?

Глава 7

Колхоз «Краснофлотец»

Инициативу Булатов выдвинул правильную – обед, что нам достался по приезду был сигналом, что надо что-то менять. Я даже понял, почему он был паршивым, в силу опыта. Готовили в колхозе на своих мужиков, что в поле пашут. Вот все самые лакомые кусочки для них и повыбирали, не нести же их праздной городской молодежи, пока еще ничем не заслужившей особого отношения. Кто его знает, изменится ли отношение в дальнейшем, когда в поле выйдем, но лучше не проверять. Есть у них запасная полевая кухня для нас – и хорошо. Сами себя не обделим!

В принципе, я и сам был готов вызваться поваром. Годы практики – это серьезно. Но решил вначале дать шанс молодежи. Мало ли, найдется какая-то девушка, которую мама с самого детства готовить обучала, и она рвется дать нам мастер-класс? Сейчас еще просто не все сообразили, что работа повара всяко полегче будет, чем по мокрому полю картошку собирать. А если я сейчас вызовусь, то потом-то сообразят. Начнут, ползая в грязи, меня проклипать, мол, самый хитрожопый. Мне такая репутация в группе точно не нужна. Так что пусть кто-то другой на себя эту сомнительную славу возьмет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.